

Литературная газета

Четверг, 26 августа 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

№ 46 (682)

ПОБЕДА НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

На фронте исторической науки — большая и важная победа. Создан новый, подлинно научный и подлинно марксистский учебник истории СССР для 3 и 4 классов средней школы. Это первый учебник, очищенный от истлевших и вредных, антиленинских схем вульгарных социологов, от ошибочных и вредных «теорий», гулявших в исторической литературе. Учебник дает учащимся советской школы подлинную историю, правильно освещая исторические факты и события в их хронологической последовательности, характерную выдающихся исторических деятелей. Советский школьник в 3 и 4 классе будет изучать историю СССР на основе изучения конкретных фактов и событий, о которых в жизни и увлекательной форме рассказывает учебник, вооружая наших детей знаниями истории нашей страны.

Учебник гражданской истории СССР — лучшее средство воспитания нашего юношества и детей. Созданный группой историков под руководством проф. А. В. Шестакова «Краткий курс истории СССР», рассказывающий в 15 главах историю нашей родины от возникновения первых государств на нынешней территории СССР и вплоть до великой эпохи победы социализма включительно, вооружает школьника пониманием того, как из страны отсталой, убогой и бескультурной наша родина превратилась в могучую, обильную, передовую страну. Книга воспитывает в молодом читателе чувство гордости своей родиной, любви к ее народам, восхищения их исторической борьбой за независимость и свободную жизнь; она воспитывает ненависть к угнетателям и врагам народа, горячую и преданную любовь к большинственной партии, к великим народным вождям Ленину и Сталину, организовавшим и обеспечившим победу социализма.

Учебником и ярко учебник рассказывает о многовековой борьбе народных масс за свое освобождение, о восстаниях крестьянских масс против бояр и помещиков, о революционной борьбе пролетариата, о железной борьбе пролетарских революционеров-большевиков, воспитанных партией Ленина—Сталина. В главе о Великой октябрьской социалистической революции просто и сильно раскрыто ее международное значение, показана борьба большевиков с оппортунистическими партиями и с предателями Троцким, Зиновьевым и Каменевым, красочно рассказано о гигантской работе нашей партии по подготовке и организации октябрьской победы. Страницы, посвященные гражданской войне, рассказывают о борьбе за социализм в России и в иностранных капиталистических и помещичьих странах, знакомят читателя с замечательной деятельностью Ленина и Сталина по организации вооруженных сил революции и руководству ими, показывают пледу народных героев гражданской войны, рассказывают о борьбе за социализм в молодой советской стране.

Рассказав об огромной работе по восстановлению хозяйства после победного окончания гражданской войны, учебник описывает ватем борьбу партии и всех трудящихся за широкое развертывание социалистического строительства. Строительством социализма, героический труд и замечательные победы новых людей, воспитанных сталинскими пятилетками, показаны на ярких, конкретных фактах и примерах. Рассказ о борьбе партии с врагами народа, пытавшимися препятствовать осуществлению сталинского плана социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, о гнусной «работе» фашистских наемников — Троцкого, Бухарина и Рыкова, этот рассказ естественно подводит молодого читателя к выводам о бдительности, как важнейшем качестве каждого гражданина Советского Союза.

Учебник вооружает советскую школу и педагогов марксистским взглядом на историю, надежным пособием для изучения истории, мощным оружием политического воспитания бойцов коммунизма. Трудно переоценить значение этого успеха. Он — результат постоянного пристального внимания партии и правительства к вопросам преподавания истории. Известное постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 18 мая 1934 года о преподавании истории в школах, опубликованное 26 января 1936 года замечания товарищей Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспектов новых учебников истории, постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 3 марта 1936 года об организации конкурса на лучший учебник истории — все эти важнейшие документы партии и правительства создали переходом на фронте исторической науки. «Краткий курс истории СССР» — плодотворный успех на этом фронте, нуждающемся в дальнейшем развитии и закреплении. Борьба за марксизм—ленинизм в исторической

науке еще далека от окончания. Историкам-марксистам предстоит немало еще поработать под руководством Центрального Комитета нашей партии для полного нагнания и разгрома вредных «теорий», насажденных разоблаченными лжеисториками, и для создания новых марксистских учебников.

Развернутое постановление Жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник, опубликованное в нашей печати, является ценнейшим документом, выражающим линию партии в вопросах исторической науки. Этот документ должен быть тщательно изучен всеми работниками идеологического фронта, в частности советскими писателями. Без тщательного изучения указаний товарищей Сталина, Жданова и Кирова, решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР, постановления Жюри конкурса невозможна работа советских писателей над историческим романом.

Здесь, в области исторического романа, в советской литературе было немало неудач и провалов. Вредные и враждебные антиленинские «теории» нашли свое выражение в таких книгах, как «Дикий камен» З. Давыдова, как «Смута» Галикина, как «Людоловы» З. Тулуб и др. От серьезных ошибок в оценке исторических фактов не свободны многие произведения на темы истории гражданской войны, в которых, как и в учебниках истории, «определение гражданской войны в СССР сводится до роли события чисто русского и затупляется международный характер нашей революции». Разве не имеет непосредственного отношения ко многим произведениям о социалистическом строительстве (особенно к так называемой очерковой литературе) указание Жюри конкурса на недостаток многих учебников, выражающийся в том, что «большинство авторов эпохи построения социалистического общества в СССР описывают больше восхитительными знаками, кликами восхищения и разного рода трогательными анекдотами, песенками и общими характеристиками...»

В области литературоведения и литературной критики, на фронте истории литературы необходимо добиться реализации указаний нашей партии и правительства, данных в связи с созданием марксистских учебников истории. Здесь до сих пор широко гуляют всевозможные вредные антиленинские теории. Прошедшее вульгарной социологии и всевозможных схоластических методов, замещающих марксистское освещение фактов и событий литературы, до последнего времени велось в неприкрытой форме. Достаточно вспомнить вреднейшую «деятельность» целого ряда вульгарных социологов, подвизавшихся в литературном отделе Большой советской энциклопедии. Писания И. Нусинова, А. Цейтлина, М. Храпченко, В. Незаевой, С. Мокульского, Д. Благого и многих других искажают подлинную историю литературы, рассматривая ее с антиленинских позиций богдановщины. Против ленинской теории отражения они выдвигают богдановский субъективизм, подменяя анализ фактов истории литературы и творчества отдельных писателей стандартными социологическими схемами. «Подложное» творчество крупнейших писателей всех времен и народов под стандартные социологические характеристики, вульгарные социологи выхолащивают объективное содержание их произведений, фальсифицируют их действительные взгляды. Поэтому Пушкин и другие писатели предстают, как «диорейный» буржуазный «дворянин», Грибоедов тут ли не как заступник дворянского общества, Островский — как писатель, который «обслуживал русское купечество».

В представлении вульгарных социологов все без исключения культура прошлого создавалась эксплуататорскими классами и в эксплуататорских целях. Реальную классовую борьбу, народные массы, как активную создающую силу, они полностью игнорируют при анализе литературных явлений. Писания вульгарных социологов — образец реакционного антимарксистского подхода к культурному наследию и к истории литературы. В результате — всю лучшую часть мировой и русской литературы они «раздали» различным прослойкам дворянства и буржуазии, изображая великих писателей, как верных прислужников этих прослоек.

Создание подлинно марксистской истории литературы — задача огромной важности. Решение ее в высокой степени стимулируется теми указаниями, которые даны партией всему фронту исторической науки. Глубокое освоение этих указаний всеми критиками и литературоведами — важнейшая предпосылка роста и развития нашей критики. Редакция журналов (особенно специально критических) и секции критиков обязаны сделать все необходимое, чтобы помочь литературно-критическим кадрам и писателям в деле глубокого изучения и практического применения исторических указаний партии.

М. ГРОМОВ
Герой Советского Союза

Встречи и впечатления

Новый «трансполярий» путь двадцатого века, как уже успели окрестить маршрут СССР — Америка американские газеты, открыт советской авиацией.

После наших двух перелетов из СССР в Америку вряд ли найдется Фома неверующий, который продолжал бы сомневаться в возможности освоения воздушной трассы через полюс.

Москва — Северный полюс — Америка!

Второе полушарие стало нашим ближайшим соседом. Нас не будут разделять даже полуострова. Станция «Северный полюс» самолет-экспресс пролетит без остановок.

Ближайшего соседа надо близко знать.

Что такое Северная Америка?

На этот вопрос уже пытались ответить наши писатели. Достаточно вспомнить Маяковского — «Открытие Америки», книгу Ильфа и Петрова «Однотажная Америка». Об американцах будут писать еще десятки наших литераторов.

Америка — замечательная страна, американцы — интересные люди. Сама страна и люди здесь разнообразны, разнообразны, — все это требует большого и глубокого изучения. Мы были лишены возможности даже наблюдать, ибо все время пожимали руки иностранным людям, искренно рававшимся победе советской авиации.

Нас принял в Вашингтоне президент Соединенных Штатов Америки Рузвельт. Несмотря на его годы, он произвел на нас впечатление энергичного, живого человека. Президент в своих высказываниях особо подчеркнул, что наши перелеты он вместе со всеми гражданами Америки воспринимает как акт сближения двух великих стран, оказавшихся благодаря искусству советских летчиков близкими соседями.

Юмашев подарил Рузвельту конверт письма, марка которого была проштемпелевана в Москве в день нашего вылета (12 июля) и в Сан-Диего в день нашей посадки (14 июля). Это письмо — первое почтовое отправление из СССР в Америку, доставленное через полюс.

Президент — страстный коллекционер. Он попросил оставить ему и нашу автографию.

Рузвельт хорошо информирован о технической вооруженности Советского Союза и не сомневается в том, что мы установим постоянную связь с Америкой по кратчайшей прямой — через Северный полюс. В этом, видно, не сомневается и широкие массы населения. Энтузиазм, который проявили американцы, был дан технической возможностью нашей родины.

Надо откровенно сказать: еще недавно мы робко поглядывали на американцев да и они смотрели на нас как-то сверху вниз. Сейчас мы открыто и дружелюбно поглядываем друг на друга в глаза. Изменилось соотношение сил!

Большое впечатление произвел на нас известный писатель Энтон Синклер. Это человек, видно, не знающий усталости в своей огромной работе.

Синклер — трибун. Сейчас, когда от писателей, ученых, общественных деятелей требуется столько совести, чувства ответственности и долга по отношению к человечеству, чтобы во весь голос говорить правду о политических проделках в черных и коричневых рубашках, деятельность Эптона Синклера приобретает особое значение.

Энтон Синклер в своих беседах с нами пополнил наши впечатления интересными фактами.

Он рассказывал нам, как запрещались издания его книг в Италии, как жгли его книги в Германии, как пылались его произведения на всех крупнейших библиотеках Австрии и как трудно ему издавать свои книги в Америке. Но мы не почувствовали в его голосе отенка горечи и усталости. Он улыбается и повторяет: — Это касается не только меня! Жгут мои книги, а касается это нас всех. Вот когда это поймут все...

Мои впечатления поверхностны, но мне кажется, что нужны большие усилия всего культурного населения Америки, чтобы помочь широким массам понять те истины, которые преподает им Энтон Синклер.

Товарищам Громову, Юмашеву, Данилину Приветствие Марии Тересы Леон

От имени испанской интеллигенции посылаю братский привет от важным летчикам, удивившим мир и украсившим новыми лаврами славу СССР.

Американцы, которых мне довелось видеть, в большинстве своем люди деловые, серьезные, весьма активные, но все это отдалека от прикусов чего-то такого, что мы привыкли называть делячеством. В Америке есть крупные рабочие районы, есть десятки тысяч трудящихся, готовых и подготавливающихся к решительной борьбе за свое право жить, радоваться и быть счастливыми. Но, к сожалению, в течение нескольких дней нашего пребывания в Америке мы настолько были во власти строгого расписания всяческих приемов, что почти лишены были возможности встретиться с этими близкими нам по духу людьми. Мы в массе видели так называемого среднего американца. А его больше всего интересует только дело, только доллар, как результат затраченного времени и усилий. Нам, советским людям, особенно странной показалась эта черта.

Многие американцы удивлялись, что я, полковник, видимо хорошо обеспеченный, вместо того, чтобы жить спокойно в свое удовольствие, совершаю длинные, утомительные и притом весьма рискованные путешествия.

Что я мог им ответить? Я делал то же, что и Энтон Синклер. Я старался им объяснить, что в советских условиях то, что делаю я, касается не только меня, но и всех моих соотечественников, всего многомиллионного советского народа.

Стандарт в Америке поражает. Но зато и конструктивный вкус американцев вне конкуренции, их масштабы поразительны.

Я видел мосты Парижа и Америки. Парижские мосты красивы, я подолгу любовался их отделкой, искусной ажурностью работы, изяществом их архитектуры. Американские мосты лишены всего этого. На них нет ни ажурных завитушек, ни архитектурных деталей. Американские мосты грандиозны своими масштабами, поражают сочетанием пропорций, заставляют любоваться своей легкостью, охватываяй несомненно при наличии многотонных железных конструкций.

Наши инженеры и архитекторам есть чему поучиться. И главным образом превращать математику в искусство.

На пароходе «Нормандия» при нашем возвращении из Америки в Европу мы встретились со знаменитым американским кинорежиссером Кинг Видором. Это незаурядный художник, выходящий, наперекор установленным правилам в американской кинематографии, включать в свои фильмы идеи общечеловеческого значения. Он весьма дружелюбно относился к Советскому Союзу и вел с нами длительную беседу о своих идеях дать американцам правдивый фильм о «социалистической России». Но... Кинг Видор вынужден преодолевать огромные затруднения на своем пути. Ему так же, как и Эптону Синклеру, приходится развешивать американцам, что его фильм, его идеи — не частное его дело, а касается всех.

Из европейских стран мы посетили Англию и Францию. Мы видели много людей, слышали очень много речи. И здесь, как и в Америке, пытались говорить о демократичности управления, о преимуществе своих конституций. Мы выступили с ответами на них. Выступавшие отлично понимают, что провозглашаемые ими «свободы» не могут идти в сравнение с нашей, Сталинской, самой демократической в мире Конституцией.

Полные гордости этим величавым документом сталинской эпохи, мы прошли по городам двух континентов, веда чувствуя свое преимущество — сынов цветущей социалистической страны.

Мы видели много интересного, узнали много нового и теперь, вернувшись на родину, можем сказать твердо и уверенно:

«Я другой такой страны не знаю, где так больно дышит человек». Вот почему, несмотря на повзнувшие ватологии, интерес к тем достижениям, которые демонстрировали перед нами Америка, Англия и Франция, мы так стремимся домой и так радостно восклицаем:

— Здравствуй, любимая родина!

23 августа в Москву возвратились отважные сыны нашей родины товарищи Михаил Громов, Андрей Юмашев и Сергей Данилин, совершившие беспрецедентный полет и завоевавшие мировой рекорд дальности беспосадочного перелета по прямой. На снимке: отважные летчики (слева направо) Герой Советского Союза М. Громов, А. Юмашев и С. Данилин в Москве на митинге, на площади Белорусско-Валтийского вокзала.

Прием в Кремле экипажа самолета «АНТ-25» — Героя Советского Союза т. Громова и тт. Юмашева и Данилина

Вчера в Большом Кремлевском дворце состоялся прием Героя Советского Союза тов. Громова и тт. Юмашева и Данилина, блестяще совершивших героический беспосадочный перелет Москва — Северный полюс — Сан-Диего (США). Установивших мировой рекорд дальности полета по прямой. Прием был устроен Центральным Комитетом ВКП(б) и Правительством СССР. В Георгиевском зале собралась родные и друзья товарищей Громова, Юмашева и Данилина, работники авиационной промышленности и других организаций, работавшие непосредственно по обслуживанию перелета, работники Главсевморпути, станочники московских предприятий, многочисленные представители печати и литературы, науки и искусства, члены ЦК ВКП(б) и правительства. Среди присутствующих — руководители военной и гражданской авиации, крупнейшие авиаконструкторы, Герои Советского Союза тт. Шмидт, Володькин, Моловцов, Шевелев, Алексеев, Бабушкин, Спирин, Великов, тт. В. И. Межлаук, Гутников, маршал Советского Союза т. Егоров, тт. Хрушев, Вуглякин и др.

Бурной овацией, криками «ура» встретили собравшиеся появление в зале товарищей Сталина, Молотова, членов Политбюро ЦК ВКП(б) и правительства. Долго не смолкали восторженные возгласы: «Да здравствует наш великий родной Сталин!», «Ура товарищу Сталину!»

За столом президиума товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Микоян, Чубарь, Андреев, Косиор, Жданов, Ежов, Димитров.

Когда за столом президиума появились тт. Громов, Юмашев, Да-

нилин, товарищи Сталин, Молотов, руководители партии и правительства тепло и сердечно обнимают каждого из них. Зал восторженно аплодирует.

Во время приема начальник Главсевморпути Герой Советского Союза О. Ю. Шмидт провозглашал первый тост в честь героической тройки — товарищей Громова, Юмашева и Данилина, славных сынов великого Советского Союза, которые своим невиданным перелетом умоляли славу нашей великой родины. Все присутствующие с огромным воодушевлением и теплотой приветствовали героев-победителей.

Восторженной, бурной, длительной овацией встречают все присутствующие тост, который тов. Шмидт провозглашал в честь организаторов и вдохновителей всех побед социализма, в том числе и невиданных в истории перелетов через Северный полюс, в честь великого и любимого вождя народов товарища Сталина.

Высшее счастье для верных сынов Советского народа, — говорит тов. Шмидт, — работать на своем участке, успешно выполняя указания товарища Сталина, вдохновляющего советских людей на героические дела. Это счастье испытывает экипаж «АНТ-25». Все встает. Огромный зал отлаживает громовой овацией, бурей рукоплесканий, возгласами: «Да здравствует товарищ Сталин!»

Далее тов. Шмидт провозглашает тост за ближайшего соратника великого Сталина — главу советского правительства товарища В. М. Молотова. «Только нашему государству, нашему правительству, — говорит тов. Шмидт, — под силу организация в столь короткий срок трех таких грандиозных перелетов». При-

сутствующие стоя устраивают овацию в честь товарища Молотова.

Тов. Шмидт провозглашает затем тост в честь председателя ЦК ВКП(б) тов. М. И. Калинина. Горячими овациями зал приветствует тов. Калинина. И снова вспыхивает гром оваций, когда тов. Шмидт поднимает бокал в честь боевого наряда обороны, первого маршала Советского Союза товарища К. Я. Ворошилова, в честь главного сталинского наркома товарища Л. М. Кагановича, в честь заместителя председателя Совнаркома товарища В. Я. Чубаря и А. И. Микояна.

Товарищ Ворошилов произносит тост за героических сынов советского народа и за лучших из них, удостоенных почетного звания Героев Советского Союза. Тов. Ворошилов провозглашает также тост за Героя Советского Союза товарища О. Ю. Шмидта. Зал бурно аплодирует.

Тов. О. Ю. Шмидт провозглашает заключительный тост в честь рабочих и инженеров, техников, конструкторов и руководителей авиации и авиационной промышленности, в честь наркома оборонной промышленности тов. Рухоминича, известного конструктора ряда самолетов, в том числе «АНТ-25», проф. Туполева, конструктора моторов т. Миклукина и других. Снова гремат аплодисменты.

Для присутствующих на приеме был дан концерт, в котором участвовали лучшие артистические силы страны. С большим успехом выступил железнодорожный ансамбль песни и пляски. Особенный успех у присутствующих имели выступления Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски Союза ССР.

Забота великого Сталина о человеке вдохновляет нас

Ровно два месяца назад, 25 июля, мы вернулись в родную Москву, успешно выполнив сталинское задание по организации дрейфующей полярной станции на Северном полюсе.

Сегодня мы вновь поднимаем в воздух свои корабли и отправляемся в Арктику на поиски экипажа самолета «Н-209».

Забота нашего любимого вождя великого Сталина о человеке вдохнов-

ляет нас. Имя Сталина начертано на нашем знамени. С ним мы отправляемся в далекие, еще неизведанные районы по ту сторону полюса.

Мы не останавливаемся перед огромными трудностями, стоящими на нашем пути. Мы приложим все свои силы, все свои знания, весь опыт полярной авиации для того, чтобы вырвать из ледяного плена наших товарищей

Леваневского, Кастанаева, Левченко, Пожежимова, Годовикова и Гамковского.

До скорого свидания, друзья и товарищи!

От имени экипажа самолетов «Н-170», «Н-171», «Н-172»: Герои Советского Союза М. И. ШЕВЕЛЕВ, М. В. ВОДОПЬЯНОВ, В. С. МОЛОКОВ и т. СПИРИН, А. Д. АЛЕКСЕЕВ

Центральный аэродром им. Фрунзе

Майор А. ЮМАШЕВ

Беседа с Э. Синклером

Одна из наших замечательных встреч в Америке — это встреча со знаменитым американским писателем Эптоном Синклером.

Вскоре после нашего приезда в Лос-Анжелос Энтон Синклер приехал нас повидать, но это ему не удалось. Спусти несколько дней мы пригласили к себе писателя. Он рассказал, что в прошлый приезд не мог попасть к нам из-за того, что сотни людей пришли приветствовать нас. Велика скромность Эптона Синклера...

Дружеская беседа с ним длилась около 2½ часов.

Энтон Синклер рассказал нам много интересного. На наш вопрос, в каком положении находятся писатели в Америке, он ответил, что печататься в Америке очень трудно. Тиражи лучших книг здесь очень ограничены. Все книги очень дороги. Для того, что-

бы книги доходили до широкого читателя, нужно печатать свои произведения в самых дешевых, мало известных издательствах.

Одна из последних книг Синклера — «No pasaga», — которую он подготавливает, издана им самим в количестве 50.000 экземпляров. Стоит эта книга всего 25 центов.

Массовый читатель в Америке редко покупает книги, — он чаще всего пользуется ими в библиотеке. Но и в библиотеке он с трудом может достать интересующую его книгу. Это объясняется тем, что книги в библиотеках зачитываются до дыр, в буквальном смысле этого слова, и повторные издания в Америке почти не бывает, да и библиотека не станет покупать вторично те же книги.

Хотелось сказать несколько слов о самом Эптоне Синклере.

Это — жизнерадостный, весело улыбающийся человек. Он даже сказал нам в беседе:

— Вы не подумайте, что я бесечно улыбающийся человек!

И действительно, мы убедились в том, что за этой внешностью скрывается человек аналитического ума, передовой писатель, трибун, друг Советского Союза.

М. О своей стороны пригласили Эптона Синклера посетить СССР.

Открытие второго с'езда ССП Калмыкии

ВЛИСТА. (Наш корр.). 22 августа в переполненном зале Совнархоза открылся второй с'езд писателей Калмыцкой автономной республики.

Делегаты с'езда заслушали доклад правления ССПК о проделанной работе и о задачах калмыцкой литературы.

«Сталинская трасса»

Партиздат ЦК ВКП(б) выпустил удивительным массовым изданием сборник «Сталинская трасса» — о героическом трансполярийном перелете Москва — Северная Америка Героя Советского Союза Громова, Юмашева и Данилина.

Сборник состоит в основном из статей, очерков и заметок, печатавшихся в «Правде» и других центральных газетах.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЖЮРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО КОНКУРСУ НА ЛУЧШИЙ УЧЕБНИК ДЛЯ 3 И 4 КЛАССОВ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ПО ИСТОРИИ СССР

Жюри конкурса на лучший учебник для 3-го и 4-го классов средней школы по истории СССР устанавливает, что ряд учебников из числа 46, представленных на конкурс, отличается от прежнего типа учебников по истории, осужденных в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 года. Вместо отвлеченных сопоставлений схем в этих учебниках соблюдается при всех их недостатках историко-хронологическая последовательность в изложении исторических событий, дается описание важнейших исторических явлений, дается перечень основных хронологических дат и характеристика исторических деятелей.

Отмечая этот факт, как достижение на фронте исторической науки, Жюри вместе с тем обращает внимание работников исторической науки на наличие в этих учебниках ряда общих недостатков, кои должны быть устранены как в дальнейшей работе по изучению истории СССР, так и в преподавании истории в школе.

1. При описании Великой Социалистической революции в СССР авторами ряда учебников слагывается тот факт, что власть в результате завоевания диктатуры пролетариата перешла к советам, что побудила власть советов. Исторические события Великой Социалистической революции изображаются так, что в головы учеников внедряется неправильная мысль о том, будто бы государственная власть в СССР осуществляется непосредственно коммунистической партией. Роль советов, составляющих политическую основу СССР, слагывается, роль ВКП(б), как передового отряда трудящихся и руководящего ядра организаций трудящихся, извращается. О том, как совет выросли и окрепли в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата, не рассказывается. Советские деятели изображаются так, как будто они являются представителями какой-либо из многочисленных организаций, рядом с профсоюзами, комсомолом и пионерской организацией.

2. Совершенно непонятно, когда авторы, вместо изложения нескольких важнейших пунктов Конституции, которые ученики обязаны знать и усвоить, почему они должны быть погребены всем изложением истории СССР, загромождают целые страницы напыщенной болтовней о самой счастливой стране в мире, из которой ученики не получат никакого представления о том, что такое вообще Конституция.

Ряд авторов при изложении Конституции СССР забывают упомянуть о том, что политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, или не упоминают о том, что выборы в Советы, согласно Конституции, будут производиться на основе не только всеобщего, но и равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

3. Сталинский тезис о том, что Россия была «за отсталость» военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную, который дает один из важнейших ключей к истории России последних столетий, не понят рядом авторов учебников. Не показано, в частности, что во время империалистической войны именно в результате отсталости промышленности русские солдаты остались без снарядов, в результате сельскохозяйственной отсталости рабочие в нашей стране остались без хлеба, в результате отсталости государственного строя армией руководили плохие офицеры — помещичьи сынки. Не лав асией, четкой и доступной для понимания характеристикой отсталости России при власти помещиков и капиталистов или ограничиваясь в этой части общими фразами, авторы затрудняют понимание учащимися великой роли советской власти в деле превращения нашей страны из отсталой и бедной в страну могучую и обильную.

4. Зависимость роль как русского паразита, так и русского капиталиста от капитала западно-европейского остается не проанализированной во всех конкретных исторических фактах. Не показано, что зависимость России от западно-европейского капитала была прямым последствием хозяйственной и политической отсталости страны. Не лав асией характеристикой зависимости России от западно-европейского капитала, авторы затрудняют понимание детьми значения Великой Социалистической революции, «как освободительницы России от ее полуколониального положения» (Сталин, «Ланов и Киров»).

5. Нередко, характеризуя власть дореволюционную или «справедливую», которую образовывали классы — помещики и капиталисты, авторы говорят о капиталистах, в то время как речь должна идти о помещиках и капиталистах. Известно, что развитие русского государственного строя, в последние десятилетия перед революцией, шло в направлении превращения российской монархии в буржуазную монархию (причем этот процесс так и не закончился до революции), — помещики разлагались в капитализм (что отнюдь не равнозначное полной уступке власти капиталистам). Говоря о «капиталистах» там, где речь должна идти о «помещиках и капиталистах», авторы вместе с тем забывают, например, упомянуть о том, что германские оккупанты на Украине первым делом заставили крестьян вернуть землю помещикам, что так же поступали и другие оккупанты. В результате может получиться искажение исторической перспективы и затуманивание той роли, которую сыграл рабочий класс как освободитель крестьян от мга помещиков.

6. Авторы учебников не охарактеризовали в точных цифрах соотношения помещичьего и крестьянского землевладения. Тем самым затуманивается роль рабочего класса в деле передачи крестьянам помещичьей земли. Факт, что ни один из учебников не приводит ленинских цифр о дореволюционном землевладении: «У десяти миллионов крестьянских дворов 73 м.а. дес. земли. У двадцати восьми тысяч помещичьих и чужацких дворов — 62 м.а. дес. земли. Такого основного факта того поля, на котором разворачивается крестьянская борьба за землю» (Ленин, т. XI, стр. 337).

Авторы, как правило, не привели также того факта, что в результате Великой Социалистической революции крестьяне в СССР получили более 150 миллионов гектар бывших помещичьих, казенных и монастырских земель.

Эта забывчивость авторов приводит к тому, что при изложении событий Великой Социалистической революции зачастую не рабочие в союзе с крестьянами противопоставляются капиталистам в союзе с помещиками, — а только рабочие противопоставляются только капиталистам. Тем самым против воли авторов открывается неопутимая лавизма антиисторическим и антимарксистским взглядам на Великую Социалистическую революцию, изображающую рабочий класс не вождем всего трудящегося народа, а классом, совершившим революцию будто бы только для себя.

7. Большинство авторов учебников не сумело показать историю гражданской войны, как войны, в которой русские помещики и капиталисты с их агентурой (охраной и меньшевиками) выступали как передовой отряд и наемники иностранного капитала. Не получают асного освещения тот важнейший для истории СССР факт, что российские капиталисты и помещики, потеряв поражение еще в конце 1917 года почти на всей территории СССР, решили проглотить свою страну и ее независимость германским империалистам, затем империалистам Антанты. В результате значительная часть территории России суживается до роли события чисто русского и затуманивается международный характер нашей революции. Недостаточная ясность в изложении этого вопроса слагывается роль большевистской партии и советской власти, которые поляны весь народ на защиту родины против нападения со стороны иностранных буржуазных держав (германский поход 1918 г., три похода Антанты), спасли нашу страну от иностранной кабалы и порабощения империалистическими государствами, обеспечили государственную независимость, отстояли свою землю («Владимирский далекий, но, ведь, это родной нашешский». Ленин, т. XXVII, стр. 362) и создали условия для развития и преуспевания народов СССР.

8. Раздел, посвященный истории 1917—1920 гг., страдает, как правило, тем крупным недостатком, что он сводит историю этого периода почти исключительно к гражданской войне и не дает представления о той перестройке общественного строя страны, которая была осуществлена советской властью в этот период. Необходимо рассказать, хотя-бы об основном, т. е. о том, что советская власть за этот период:

а) Уничтожила частную собственность на фабрики и заводы, принадлежавшие ранее капиталистам, и установила социалистическую, всеобщую, государственную собственность на фабрики, заводы, банки и т. п.;

б) Передала крестьянам помещичьи, монастырские, казенные земли, объявив всю землю в СССР национализированной;

в) Дала нациям СССР равные права с русским народом, приступив к образованию национальных самостоятельных или автономных республик;

г) Создал государственную машину на основе советов.

9. Большинство авторов эпоху построения социалистического общества в СССР описывает больше восклигательными знаками, кликами восхищения и разного рода трогательными анекдотами, песенками и общими характеристиками плюс перечисление 3—4 наиболее популярных перевелов первой пятилетки вместо того, чтобы точно, ясно и просто показать, как в итоге двух пятилеток создана мощная промышленность, крестьяне обильными в колхозы, сельское хозяйство переведено на базу тракторной техники, а для защиты рабочего-крестьянского государства создана мощная, технически оснащенная Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

Большинство авторов также не сумело дать, не отрывая от общего изложения, описания той непрерывной борьбы с врагами рабочих и крестьян, которую пришлось вести советской власти и ВКП(б) для того, чтобы обеспечить победу социализма в нашей стране (кулацкий саботаж хлебозаготовок, вредительство шахтинцев, промпартия, вредительство, забастовки, интрижки, попытки расправы СССР иностранными империалистами со стороны троцкистских агентов фашизма и т. п.).

10. Жюри отмечает, как крупное достижение авторов учебников, тот факт, что их учебники перестали быть историей одного только мелкобуржуазного народа, однако же задача — ввести в качестве субъектов истории также и другие народы, порабощенные царской монархией и освобожденные от национального гнета Великой Социалистической революцией, не решена ни одним из авторов учебников.

11. Огрызки схоластических методов, заменяющих марксистское освещение исторических событий, приклеивание ярлыков различным общественно-экономическим формациям и событиям находят, например, свое выражение в неумении понять и оценить историческое значение французской буржуазной революции, которая раздалась с абсолютизмом и феодализмом, как никакая другая буржуазная революция, и роль якобинцев, как наиболее решительных представителей революционного класса своего времени — буржуазии. Якобинцы изображаются одними авторами учебников, как представители интересов только самостоятельных мастеров и мелких лавочников, другими авторами якобинская диктатура изображается, как диктатура, которая якобы ничего не могла дать народу, третьими — как власть, направленная против буржуазии.

Не лав асией характеристики достижений французской буржуазной революции в деле борьбы с абсолютизмом, авторы вместе с тем не сумели охарактеризовать ограниченности французской буржуазной революции, которая сменяла один вид классового господства и эксплуатации другим видом классового господства и эксплуатации — более прогрессивным.

12. Огрызки взглядов антиисторических, немарксистских встречаются у авторов учебников, представленных на конкурс, почти на каждом шагу при описании СССР до советского периода:

а) Авторы идеализируют докристианское язычество, они не понимают при этом того простого факта, что введение христианства было прогрессом по сравнению с языческим варварством, что вместе с христианством славяне получили письменность и некоторые элементы более высокой византийской культуры;

б) Авторы игнорируют прогрессивную роль монастырей в первые века после крещения Руси, как рассказчиков письменности и колонизационных баз;

в) Авторы не видят никакой положительной роли в действиях Хмельницкого в XVII веке, в его борьбе против оккупации Украины польской Польшей и султанской Турцией. Факт перехода, скажем, Грузии в конце XVIII столетия под протекторат России, так же как факт перехода Украины под власть России, рассматриваются авторами, как абсолютное зло, вне связи с конкретными историческими условиями того времени. Авторы не видят, что перед Грузией стояла тогда альтернатива — либо быть поглощенной польской Польшей и султанской Турцией, либо перейти под власть России. Они не видят, что вторая перспектива была все же наименьшим злом;

г) При освещении крестьянских восстаний до начала XX столетия преувеличивается их организованность и сознательность. Авторы учебников недостаточно, видимо, отдают себе отчет в том, что крестьяне вне руководства рабочего класса были способны лишь на стихийные и неорганизованные движения. Авторы, видимо, недостаточно поняли десятки раз повторяющуюся Лениным мысль о том, что организованный характер крестьянскому революционному движению придал только рабочий класс и большевистская партия, когда они окрепли и выросли в многолетней борьбе против помещиков и капиталистов. Недостаточность марксистского подхода к историческим событиям приводит к тому, что некоторые авторы идеализируют даже такие реакционные движения, как башкиры, например, стрельчий мятеж, направленный против попыток Петра цивилизовать современную ему Россию;

д) Большинство авторов, как правило, не дают правильной исторической оценки битвы на Чудском озере (разбойничий тевтонский орден — «псы-рыцари», — как называл их Карл Маркс), осуществивших колонизацию путем пологового истребления и грабежа покоряемых народов. Отсутствие марксистской оценки именно этого события в истории СССР тем более непонятно, что в отношении его имеется определенная оценка Маркса: «1242 г. Александр Невский выступает против немеческих рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты были окончательно отброшены от русской границы».

Жюри Правительственной Комиссии постановляет:

1. Первой премии не присуждать никому из авторов учебников, представленных на конкурс.

2. Вторую премию в размере 75 тысяч рублей присуждать авторам учебника, составленного кафедрой истории СССР Московского государственного Педагогического института под редакцией профессора А. В. Шестакова.

3. «Краткий курс истории СССР» под редакцией профессора А. В. Шестакова считать одобренным Правительственной Комиссией и рекомендовать в качестве учебника для третьего и четвертого классов.

4. Выдать нижеподписавшимся авторам учебников, представленных на конкурс — Минну, Нечкину, Геникину, Панкратову, Гудимову и Глазкову по 5 тысяч рублей каждому в качестве поощрительной премии.

ЖЮРИ КОНКУРСА.

Делегаты Второго международного конгресса писателей А. Толстой и А. Фадеев на Белорусско-Балтийском вокзале 23 августа в день возвращения в Москву.

Оплот мировой культуры

Беседа с А. Толстым

Экспресс Негорелое—Москва подошел к платформе Белорусско-Балтийского вокзала. Засуетались носильщики. Встречающие заспешили к окнам вагонов.

Группа журналистов окружила только что сошедших на перрон А. Толстого и А. Фадеева, возвратившихся в родную столицу после двухмесячного пребывания за границей.

— Расскажите об Испании!

— Расскажите о международном писательском конгрессе, о ваших встречах с литераторами!

— Расскажите о Парижской выставке!

Писатели озадачены.

— О конгрессе, о встречах с иностранными писателями, о зарубежных впечатлениях—обо всем этом в двух словах не расскажешь,—отвечает Алексей Толстой.

— Парижская выставка? Самое большое впечатление на выставке производит советский павильон. Скучная группа, вечношная его, блистает художественной выразительностью среди окружающих зданий. Советский павильон несравненно содержательнее и богаче всех других.

Беспечен, казенно сух, скучен наш «визаж». Это и понятно: немцам некуда думать о международной выставке—их интересует война. Бедны и малообразовательны многие павильоны, за исключением чехословацкого, который показался мне

одним из наиболее ярких. Бела выставка — ужасная теснота. Экспонаты тиснут на небольших столах и щипцах.

Наша огромная богатства—минералы, меха, мрамор, фарфор, металлы и прочее могли бы быть показаны куда шире, куда эффективнее, если бы позволили место. Мне думается, что следовало бы изменить, может быть, самый метод экспонирования, варьировать содержание для того, чтобы шире показать свои достижения...

Вечером, у себя в номере, Алексей Толстой рассказывал: «... Мир окутывают грозные тучи. На двух концах мира—в Испании и Китае — фашизм уже ведет бешеный штурм. Но все грознее растет сопротивление ему в толлах народных масс Испании и Китая. Все отчетливее выступает огромное значение Советского Союза. Я твердо и уверенно могу сказать, что только существование такого могучего экономического и морального фактора, как Советский Союз, сдерживает от кровавого безумия бешеные фашистские силы, готовые захлестнуть

войной растерянный от страха буржуазный мир. На Советский Союз обращены взоры друзей народного фронта европейских стран. Осуществляемые в Советском Союзе высокие идеи коммунизма заставляют интеллигенцию Европы среди штатий и безнадельных попыток находить наконец единый путь — путь, которым ведут шестую часть света Сталин и ленинско-сталинская партия.

Идя по этому пути, мы не можем и не должны кичиться достигнутыми успехами.

Наша задача — стать сильнее всех в мире. И мы можем это сделать, для этого у нас достаточные средства, силы и таланты. Пример тому—герои, которых мы так горячо встречаем. Они совершили то, что сейчас недоступно людям никакой другой страны. Они совершили это потому, что тысячи и тысячи людей нашей страны вложили свои силы, таланты и волю в создание условий для великого перевала Москва—СПА.

Мы живем во времена, требующие от нас напряжения всех моральных и физических сил. Это хорошо. Пусть выковывается железное племия Советского Союза, выковывается новый человек.

Мы слушали в эти дни по радио голоса Громова, Данилина, Юмашева. Несколько дней назад я слушал их в Париже. И тогда я понял—ла, таковы новые люди, сыны нашей страны.

Месяц в Париже

Беседа с А. Фадеевым

А. Фадеев только что возвратился из двухмесячной заграничной поездки, наполненной его самыми разнообразными впечатлениями.

Германия, Польша, Испания, Франция. Международный конгресс писателей, международная выставка в Париже, мировые хранилища искусства, встречи с передовыми писателями мира, сехившими на конгресс, встречи с Ромэн Ролланом, с славными земляками — героями СССР Грозовым, т. Юмашевым и Данилиным, с первоклассными нашими спортсменами, с мхатовцами, наконец о Парижем — от центра народного города до рабочих кварталов и предместий, посещение вернисажей и т. п. — таково богатейшее содержание его поездки.

Тема об Испании не укладывается в рамки интервью. Об Испании т. Фадеев будет писать особо.

— Я лучше расскажу о месяце, проведенном во Франции, где я был впервые. Мы с Алексеем Толстым обещали Бретань, я был в Руане, в Гавре.

Мы много ходили по парижским музеям.

Огромное впечатление произвел на меня музей Родена. Много часов я бродил по комнатам большого старинного дома на тихой улице Варен. Это—хранилище работ замечательного мастера, равного которому не было, по-моему, с эпохи Возрождения. Меня потрясла мощь и спокойная уверенность его резца. В необычайной стремительной силе, в каком-то возвышенном темпераменте, в особенной чудотворной чистоте форм человеческого тела сказались гениальность этого бессмертного художника.

Его статуи Бальзака в броше и в мраморе, статуя Гюго со скульптурными иллюстрациями к его произведениям необычайно интересны. Гюго изображен у него в аляповатом стиле: голова мощного старика с бородой напоминает голову Зевса.

Поражает трудоспособность этого человека: комнаты музея буквально загромождены бесчисленным количеством работ—шедевров, среди которых нет ни одной, которая казалась бы малой удачной или слабой другой.

Вот бы нашим мастерам научиться такому трудолюбию и неустойчивому стремлению к совершенствованию.

Скульптурами Родена, в частности знаменитой группой «Граждане города Кала», полной глубокого социального содержания, украшен и парк, окружающий старый дом Родена.

Советскую делегацию на мировом конгрессе писателей принял в Париже Ромэн Роллан.

Рассказ А. Фадеева об этой встрече проникнут большой искренностью и энтодот.

— Художавый, огромный рост, слегка сутуловатый, с юными, умными, добрыми глазами, глядящими изпод нависших бровей, Ромэн Роллан встретил нас на пороге своего дома.

Он произвел неизгладимое впечатление. Светлое обаяние, моральная сила исходят от этого человека.

Друг СССР, Ромэн Роллан рад был видеть у себя посланцев Советской страны. Он выразил сожаление, что состояние здоровья не дает ему возможности принять участие в работах конгресса по защите культуры против фашизма, столь незначительного великому гуманисту. Он очень хотел бы, если бы позволили силы, поехать в Испанию.

Он говорил с нами о русской литературе, которую он так любит, о советской драматургии, которая, по его мнению, отстает еще от общего развития советской литературы, но которая, несомненно, в ближайшие годы получит у нас большое развитие. Самые талантливые люди, говорил он нам, выражали свои мысли и чувства в драматургической форме. Гений XVII века Шекспир, обуреваемый сильными чувствами, был драматургом. Эта форма литературы предельно выразительна. Естественно поэтому, что советский народ, живущий сильными страстями и интенсивными чувствами, должен родить талантливейших драматургов, которые сумеют выразить мысли, чувства и чаяния своего народа.

С чувством большой патристической гордости рассказывал Фадеев о пребывании в Париже наших спортсменов.

Уверенные в своей силе, испытанной предвзвешенными состязаниями в Бельгии, «спартаконцы» одержали победы с легкостью и изяществом подлинных мастеров.

Матч русской команды с английской превратился в демонстрацию

Франко сжигает Диккенса

Как сообщает «Дейли Уоркер», в день чествования памяти Игнация Лойоли, основателя иезуитского ордена, Франко, идя во всем по стопам Гитлера, устроил в Вильбао торжественное сожжение книг. Среди них были произведения Диккенса, Золя, Ибсена, Ан. Франса, А. Мальро, Г. Манна, Ренана. Кроме того было сожжено много заграничных антифашистских газет. Костер был разложен у подножия статуи Игнация Лойоли. Во время церемонии сожжения книг мимо памятника дефилировали итальянские, германские и испанские фашистские войска.

симпатии к Советскому Союзу. Французские рабочие, переполнявшие стадион, встречали каждый забитый «спартаконцами» гол восторженными криками и рукоплесканиями. Победа русских сопровождалась овациями и лением «Интернационала».

«Спартаконцы» показали подлинно высокий класс советского спортивного искусства.

На днях возвращается из Парижа увенчанный новыми успехами коллектив Московского Художественного театра.

О гастролях театра, прошедших с колоссальным успехом, А. Фадеев рассказывает интересные подробности.

Готовясь к спектаклю, все коллектив театра работал, не жалея сил. Давченко в продолжение 5 или 6 суток почти не выходил из театра.

Спектакль «Враги», который мхатовцы показывали первым, шел при напряженной тишине в зрительном зале. В первые моменты артистам очень трудно было ощутить, как воспринимается спектакль. И только проявившись, наконец, овациями восторженных зрителей показала исполнителям, что тишина эта была вызвана не равнодушием, а глубочайшим вниманием.

«Любовь Яровая» проходила почти под сплошными аплодисментами. Когда появились красное знамя, в зрительном зале раздались воогласы: «Ура!». Спектакль закончился овацией.

Французские писатели и театралы, с которыми А. Фадеев доведется беседовать, выражали свое восхищение спектаклями МХАТ.

А. Фадеев смотрел в Париже новый французский фильм «Большие иллюзии». Режиссер и автор сценария — Ренуар, один из крупнейших французских кинорежиссеров. Сын знаменитого художника Ренуара, он унаследовал от своего отца замечательное искусство композиции и перенес в кино необычайную пластичность. Каждый его фильма живописен, как картина художника.

Сейчас Ренуар работает над новым фильмом «Марсельеза».

— Вспоминаю о заграничной поездке, — говорит в заключение А. Фадеев, — не могу не назвать одного из лучших граждан моей страны, моего собрата по перу — Михаила Кольцова. Все мы, прошедшие с ним эти недавние дни, горячо его любим. Его работоспособность, чуткость, храбрость, самообладание, необычайные организаторские способности, исключительное умение ориентироваться в любой обстановке делают его в наших глазах человеком выдающимся.

Только там, в тех условиях, мы поняли, какой замечательный работник и товарищ Михаил Кольцов.

Я хочу воспользоваться страницами «Литературной газеты», чтобы поздравить его, горячий, братский привет.

Навстречу XX-летию Великой пролетарской революции

«Интернационал» в художественном издании

Издательство «Academia» готовит к двадцатилетию Великой пролетарской революции альбом «Интернационал».

В альбоме печатаются русский и французский тексты пролетарского гимна.

Вступительная статья ознакомит читателя с историей возникновения «Интернационала», с эпохой, когда участники Парижской Коммуны повст. Э. Потье создали стихи, ставшие впоследствии победным гимном всех трудящихся.

Издание будет иллюстрировано большим количеством гравюр и рисунков.

История социалистической родины в плакатах

Изотга выпускает массовым тиражом плакатную выставку, состоящую из 18 плакатов (16 иллюстраций и 2 текстовых), показывающих исторический путь нашей социалистической родины за двадцать лет.

В фотоснимках, рисунках, репродукциях с картин и т. п. плакатная выставка покажет ту огромную организационную и созидательную работу, которая проводилась на протяжении двадцати лет коммунистической партии и трудящихся Страны Советов во имя закрепления октябрьских завоеваний Великой пролетарской революции и создания мощного социалистического государства — СССР.

Антология армянской поэзии

Антология армянской поэзии, выходящая в издательстве «Academia», охватывает наиболее важные явления армянской поэзии за полторы тысяч лет, начиная с IV века и кончая нашими днями. В книге будут даны лучшие образцы творчества крупнейших армянских поэтов: Напет Кутакя, Дживани, Петроса Дуряна, Аветика Исаакяна, Ованес Туманяна и др. Поэт-революционер, близкий друг Герцена и Огарева, Михаил Набандян будет представлен популярнейшим стихотворением «Свобода».

В разделе «Поэзия советской Армении» — стихи и поэмы Аконя Аконяна, орденосносца Наира Заряна, Азата Вштугия и др.

Большое место отведено в антологии фольклору. Здесь в первую очередь нужно отметить замечательные по поэтической силе и глубине содержания «Сказ о Ленине» и «Песни о Сталине», записанные от слов ашуга Верди.

Из дореволюционного фольклора в антологию вошли героические поэмы «Давид Сасунский» и песни ашуга Саат-Нова (XVIII век).

Юбилейный номер журнала «Знамя»

В редакцию журнала «Знамя» начали поступать материалы для номера, посвященного двадцатилетию Великой пролетарской революции.

Юбилейный номер «Знамени» обещает быть разнообразным по содержанию.

Художественная литература будет представлена пятью крупными произведениями: киноповестью В. Визинского «Мы — русский народ», романом об Испании И. Эрнверста «Что человеку надо», повестью К. Паустовского о будущем обществе и новых поэмах Н. Тихонова и В. Луговского.

Из поэтических произведений будут также напечатаны октябрьские стихи П. Антокольского и С. Кирсанова, из прозаических — рассказ В. Курочкина «Октябрьский день» и рассказ В. Аидева «Интернационал».

Исторический отдел журнала посвящается теме «Исторический писатели о СССР». Здесь будут напечатаны отрывки из новых исследований еще книг Шарля Вильяма и других зарубежных писателей.

В публицистическом отделе появятся статьи: «Партия — организатор побед социализма», «СССР — страна социалистического демократизма», «Эстетическая культура социалистического общества» и др.

Вопросам литературы посвящены статьи: о советской прозе и советской новелле за 20 лет, о поэзии эпохи гражданской войны, о драматургических произведениях в двадцатилетие Октября.

Что готовят курские писатели

Областная писательская организация Курска выпускает к двадцатилетию Великой пролетарской революции большой сборник «Курск».

Готовятся также к печати: юбилейный альманах «Утро» и два сборника: «Знающие земляки» и «Люди водхозной самостоятельности».

«Старик крепко взял меня за плечо и повел по двору к воротам; мне хотелось плакать от страха перед ним, но он шагнул так широко и быстро, что я не успел заплакать, как уже очутился на улице...»

Издательство «Академия» выпускает «Детство» М. Горького с иллюстрациями художника В. А. Духтерера.

Н. ПАНОВ

От космоса к реальности

В 1912 году вышел в свет первый сборник стихов М. Зенкевича «Дикая порфира». Это стихи о космосе, о «ящерях и майяродах» — чудовищных обитателях доисторической земли, о далеком будущем нашей планеты, когда земной шар станет ледяным и безжизненным. Тематика эта дала повод критике зачислить автора в разряд представителей «научной поэзии».

Как некое художественное и идеологическое кредо Зенкевича того времени воспринимается его стихотворение «Мясные ряды», сравнивающее вселенную с огромным мясным прилавком:

Скрипят железные крышки и
блоки,
И туши вверх и вниз скользят
должны.

Под бледною плевой
кровоподтеки
И внутренности носия-черны.

Здесь типично для автора вечное, конкретно натуралистическое восприятие мира, поставившее поэта в ряды акмеистов, предельный пессимизм, трагическое ощущение действительности, которыми пронизано все доореволюционное творчество поэта.

Когда читаешь книгу «Набор высоты», где собраны стихи Зенкевича за 25 лет, трудно избавиться от ощущения предельной внутренней опустошенности его доореволюционного творчества. Чем интереснее поэт, какие темы привлекали его, кроме темы разложения, смерти, жажженного тупика? Вот «День в Петербурге» (1912 г.). «Чад в мозгу, и в легких никотин — и туман попола. Золота промывного крупинка не покупает всю дневную муть». «Удвоилась — десь о смертниках, с разлом тошнотворных подробностей казня. Удвара-натурлистические картины «Вы на бойне» и «Синий колют». Описание гибели авиатора (1917 г.). «Он лежал в воронке в обломках мотора, — человеческого мяса дымящего жарком».

Кажется — с таким грузом беспротестного, циничного отчаяния поэту невозможно было перейти на позиции советской поэзии. Это, в

М. Зенкевич. «Набор высоты». Госиздат, 1937 г. Тираж 5.000 экз. 232 стр. Цена 4 руб.

димо, чувствовал и сам автор, в стихотворении «Отходная из стихов» (1926 г.) поставивший себя перед дилеммой — продолжать или нет стихотворную работу:

Ее, как молодость, сбросить легко.
Попробуй, но только смотри, —
Поэт — наркоман, а какой наркоман
Ужасней наркоза рифм!

И Зенкевич решается на коренную внутреннюю перестройку. Его тематика изменяется. Он пишет о матросе с «Потемкина», о волжской гидроэлектростанции, дает цикл стихов о декабристах.

Со сменой поэтических вех он даже пытается реконструировать свой поэтический стиль, стремится, например, усвоить разговорные интонации Сельвинского:

Тридцать зарубок уже перешло:
Бама, многотаво, поглотил:
Заметил:

В воздухе пенится каждое кило
Потти на вес золота, вернее — медь.
... Не приметелен с виду ничем
Летчик, ведущий машину

Потерянные кожаные куртка и шляпа
И двобок фамилия: Захаров.
(«Черлет Москва—Армавир»).

Эти «поиски оптимизма», уход от старой тематики долго не удаются поэту. Квалифицированный мастер как бы утрачивает прежнее мастерство. Поэтические обобщения сменяются поверхностным репортажем, да и репортаж этот иногда снижается до уровня наивной рабкорской зарисовки.

У сцен под открытым небом
В земле скамейки. Сотня мест.
Все заняты. Иду я, где бы
К президиуму ближе сестра.

... Тут объяснение простое:
Замесили уборки ход,
Повысились процент простот,
Горючего перерасход...

(«Собрание рабочкома»).

Вообще весь цикл «Машинная страда» (о посещениях поэтом заводского зернохранилища в 1930 году) не отличается высоким художественным уровнем. Это не раскрытие вещей внутри, а только, по большей части, фотографическое их воспроизведение. Зенкевич делает ценную попытку дать поэтические портреты людей современности: тракториста, героя гражданской

войны («Недоказанная жизнь»), молодой ударницы совхоза («Комбайнерша с красной доской»). Удачно подмеченные частности не создают еще целостного образа. Поэтому и весь цикл воспринимается скорее как первоначальные наброски к большой, еще не созданной совокупной эпопеи.

Но эти неудачи, возможно, уже несли в себе зародыши будущей победы. И имел в виду Зенкевич поэму «Говорит Сиринус», завершающую рецензируемую книгу.

Здесь — через двадцать лет — Зенкевич опять подошел к своей «коронной» теме смерти и трагичности. Но разработал ее на материале катастрофы стратостата «Осавахики» («Сиринус» — поэма о гибели стратостата). Здесь мы видим уже не прежнего холодного поэта — созерцателя космических процессов, а советского человека, искренне переживающего гибель дорогих ему стратостатов.

Сиринус! Сиринус! Синий Сиринус!
Голубая зимняя звезда!
Алым приемником сердца ослось
Уловить твою ответную «да»...

Как противное бессмысленности первых циклов воспринимается концовка поэмы:

Последний привет их был
комсомолу.
И приемником сердца заполучил
Сумеет тот, кто отожмет

и молод, —
Поэзия космические лучи...
Чтоб, превзойдя всех дерзаний
меру,

Люд будущего могли
Вдыхать разреженную
стратосферу,
Как чистый бесклассовый
воздух земли!

От планетарных, отвлеченных тем через предельное приближение к действительности — снова к космосу — по-новому осмысленному, вот интересный и своеобразный путь поэта. Присущая ему блестящая разработка отдельных деталей образа, широкое использование свободного стиха, умелый выбор рифм, переход его на темы, близкие нашей современности, дают возможность воспринять книгу, отмечаящую двадцатипятилетний юбилей М. Зенкевича, не только как творческий итог, но и как обобщение новых поэтических достижений.

«...Цыганок на минуту остановились и, подоскочив, пошел впридачу кругом бабушки, а она выпила по полу беснуном, как по воздуху, разводя руками, подняв брови, глядя куда-то вдаль темными глазами».

Издательство «Академия» выпускает «Детство» М. Горького с иллюстрациями художника В. А. Духтерера.

К 15-летию Адыгейской автономной области

Литература адыгейского народа

Адыгейская автономная область, образованная в 1922 г. по инициативе товарища Сталина, празднует ныне пятидесятилетие своего существования.

История адыгейского народа до Великой пролетарской революции была историей героического народа, последний из народов Кавказа сложившего свое оружие в неравной борьбе с русским царизмом. Это была история чудовищного гнета, неоднократных и жестоко подавляемых восстаний бедноты против своих князей.

Сейчас — это цветущий народ, заботливо работающий, пишущий чудесные песни, молодое плывущий на вильной своей земле.

Не имеяшая до Великой пролетарской революции письменности, Адыгея проводила сейчас первый съезд писателей, обсуждавший на конкретном материале адыгейской литературы сложные и глубокие вопросы художественного творчества.

Адыгейский народ имеет свое искусство, свою устную художественную литературу. Ауды Адыгеи богаты настоящими талантами. Пишущие цветет адыгейский фольклор.

Устные эпические произведения — былины, сказания — отражали горячий протест масс против гнета и бесправия при царском строе, рост революционного сознания, неугасимую ненависть к угнетателям.

Многообразен фольклор адыгейского народа — сказки, легенды, песни, поговорки, пословицы, загадки. Героический народный эпос на уст в уста передается стариками-редуками (исеснаделателями). Они не только хранят в памяти старинные былины и песни, но и создают новый революционный фольклор — сказания и гимны о Ленине и Сталине, о героях нашей родины, о счастье народа.

Особенно эмоциональное и художественно ценное отражение нашли в фольклоре Адыгеи образы Ленина и Сталина.

Представители народного творчества в известной всей стране.

В одном ауле на Теучеж Пуг поет молодые песни о новых людях старик Халаште Тхайах. В ауле Лахукай, Хакуретовского района, живет старик поэт Нацок Халид; в Печетаджаке живет замечательный скакательный быллин о приключениях адыгейских богатырей-партов Аюб Хамтаха.

На основе народного устного художественного творчества выросла письменная художественная литература Адыгеи. Здесь в первую очередь следует говорить о ее зачинателях — Тембот Керашеве и Ахмеле Хаткове.

Близость к истокам подлинного искусства — к народному творчеству, активное участие в работе нашей великой партии, идейная и художественная зрелость — вот что делает Керашева и Хаткова подлинно советскими писателями.

Керашеву, Хаткову и другим авторам, сплоченным вокруг большевистской партии, пришлось создавать адыгейскую советскую литературу в классовых боях против врагов всех мастей — троцкистов, националистов, реакционеров на лживо-арабистской интеллигенции и т. д.

В эти годы против враждебных течений выросла молодая советская литература Адыгеи.

Автор романа «Шамбуль», рассказов «Позор Малука» и ряда отличных очерков — Тембот Керашев по праву занимает одно из первых мест в этой литературе.

Его роман «Шамбуль» — первое большое прозаическое произведение на адыгейском языке.

Молодые начинающие прозаики: Глестев Юсуф, Анхия, Уджуху Халид, Битых Аскер — талантливые люди, для которых сейчас самым важным является вопрос овладения литературным мастерством.

Говоря о поэзии Адыгеи, мы должны первым назвать имя передового поэта адыгейского народа Ахмеля Хаткова. В ближайшее время выйдет его книга стихов в русском переводе. Это поэт больших мыслей и ярких чувств. Его мужественные строки ярко передают бегущее горячее сердце, полное любви к родине и неистребимой ненависти к ее врагам.

Творчество Хаткова не свободное от недостатков. На первых порах поэтической работы у него была торопливость, хроническая, он календарно откидывая на политические события, он не работал над стихом глубоко и упорно.

Постепенно он подошел к созданию

произведений, в которых сочетались идейная глубина с правдивостью, простотой и ясностью.

Молодой поэт-комсомолец Мурат Паранук делает первые попытки в области стихотворного впа. «Намча» при всей неслаженности его композиции, по удаче основного художественного образа, по легкости языка, по поэтической свежести, по подлинно народному остроумию — несомненно одно из заслуживающих внимания поэтических произведений адыгейской литературы.

Аскер Битых, Нач, Анхрухаев, Жане Кермизе принадлежат к молодым кадрам адыгейской поэзии. Эти несомненно одаренные поэты растут за последние годы, главным образом из-за отсутствия в Адыгее настоящей, квалифицированной большевистской критики.

Создание кадров критиков — сейчас одна из основных проблем, стоящих перед адыгейской литературой.

Настало время организовать в Адыгее свой журнал, который несомненно сыграл бы значительную роль в собирании и воспитании литературных сил.

Особое следует поработать литературным над созданием пьес. Адыгее нужен свой театр, для которого необходим репертуар. Самодеятельное искусство также ждет произведений своих драматургов.

У писателей Адыгеи имеются сейчас все условия для того, чтобы давать лучшие условия художественные произведения. Адыгейская художественная литература должна перейти на новую, более высокую ступень развития.

Ростов-на-Дону, Гр. КАЦ

Любимый писатель

Краевые и областные издательства из года в год выпускают большие тиражами сочинения А. М. Горького, но центральные издательства не могут удовлетворить спрос рабочего и колхозного читателя.

Горьковского издательство выпустило в этом году «Мои университеты», «В людях», «Рассказы» Горького и книгу «Горький о Пушкине». В ближайшее время выходит сборник воспоминаний — «Максим Горький на родине».

Дальневосточное издательство выпустило на корейском языке книгу «Избранные Горького».

Роман «Мать» вышел в саратовском издательстве и выпускается в Красноярске на хакасском языке. На этом же языке выходит сборник рассказов Горького.

В массовой библиотеке классиков, выпускаемой Восточносибирским издательством, выходит «Января» Горького.

И все же этих книг не хватает: каждый вновь выпущенный сборник произведений М. Горького раскупается в несколько дней.

Авиация в советской поэзии

Работникам библиотеки Военно-воздушной Академии принадлежит замечательный труд. Они составили большой рукописный сборник стихов советских поэтов — «Авиация в советской поэзии».

В красном переплете — любовно сброшюрованная рукопись «Авиация в советской поэзии». В ней около 200 страниц большого формата. Здесь есть отрывки: «Героическое», «Литрика», «Паразитизм», «Памяти погибших» и «Военно-воздушная Академия».

В первом разделе сборника — текст авиационного марша «Все выше» Г. Германа, «Воздухофлотская» — авторского коллектива ЦАГИ, «Оборона комсомольская» — С. Михалкова, «Песня летчика», «Летающий пролетарий», «Авиастах» — В. Маяковского и др.

Всего собрано около 120 произведений: В. Маяковского, Н. Асеева, В. Тугеева, С. Кирсанова, Сулеймана Стальского и др. В сборнике представлено около 100 советских поэтов.

Рукопись имеет все права быть изданной и ждет своего читателя.

Ю. АРДИ.

В гостях у моря

«У моря раскинулся лагерь, Там горны звучат по утрам, И бродит вьются флаги. Нам встречать приморских ветрам».

Так начинается новая радиопередача детского сектора Всесоюзного Радиокомитета, текст которой написан О. И. Быстровой, а музыка — композитором В. П. Кочетковым.

Эта музыкальная песня ВРК открывает цикл передач, посвященных двадцатипятилетию Великой пролетарской революции.

Авторы ставят своей задачей рассказать о счастливом детстве советских ребят, о их радостях, о их труде и играх.

В музыке, использующей все краски симфонического оркестра (артисты моря, пляски у костра), значительное место, по словам композитора В. Кочеткова, занимает песенный материал («По волнам», «В горах», «Песни юных авиамодельщиков и др.), заканчивающийся песней «Нам лагерь».

★

Постановка радиопередачи «В гостях у моря», приуроченная к открытию нового учебного года, намечена к выпуску 29 августа.

В. ТРОЙНОВ

Максим Горький о Лье Толстом

из воспоминаний современника

На одной из литературных «сред» Горький много рассказывал о Л. Н. Толстом.

Он только что вернулся из Ясной Поляны и был захвачен впечатлениями от поездки.

Вот моя отрывочная запись его рассказа, относящаяся к зиме 1902—1903 года.

В доме Толстого всегда тепло, всегда новый, самый разносторонний народ. При мне приезжали сектанты, уншеские, рабочие из Тулы, дворянские мушкетеры, военные и какой-то американский генерал Армии спасения. Он писателям говорил не приходило: там наша Москва. Меня утомляла эта вечная суета и неистовые разговоры, жилая на виду, а Толстой сидит среди гостей, как ни в чем не бывало, спокоен, слушает и все воспринимает как что-то необходимое и важное.

В сущности, все хорошо знают, что Толстой — мистик. Толстой живой — загадочен. При первой встрече с ним всегда испытываешь некоторую робость, говоришь с напряжением и никогда не знаешь, что ответит Толстой. Так это, скажи мне, тихим говорком, словами будто по шесту посылает, а иногда вдруг ошарашивает, глаза слезятся, колыхаются, зоркими, и от внешнего благодеяния не остается и следа.

Со мной ехала одна куристка, болкая, чатайная. В ее записной книжке значился целый ряд вопросов, которые она должна была задать Толстому при разговоре с ним. «Ну, что же, поговорили с Львом Николаевичем?» — спросил я ее, когда она уезжала. «Нет», — отве-

тила она мне с смущением, — уж очень он, знаете, большой...»

После обеда я зашел к Толстому в кабинет, чтобы поговорить с ним наедине. Но я там он сидел не один. С ним беседовал какой-то пожилой военный в отставке.

— По вашему, война в современном условиях потеряла всякий смысл? — спросил Толстого военный.

Толстой откидывается в глубь кресла, лица его почти не видно, слышен только ровный, пророческий голос:

— Теперь поставить так вопрос — нелепо. Некоторые уже отказываются идти в солдаты. Скоро все поймут это.

И вдруг наклоняется вперед, к свету и, прищурив левый глаз, словно прицеливаясь, долго спрашивает:

— Вы бывали когда-нибудь сами в бою? И сами убивали людей? Пожалуйте, расскажите.

Военный рассказывал, что его воспитывали в семье, как красную кровь. Он совершенно не выносил ругательных слов. Ругать ему казался проявлением чего-то скотского. Когда ему пришлось участвовать в турецком походе, он больше страдал от армейской матерщины, чем от вражеских пуль. Один раз он отстал от своего разряда и наткнулся на турецкий лагерь. Турки хотели взять его живым. Он отбивался всем телом, но не решился пустить в ход саблю. И когда его положение стало совсем безнадежным, он громко, с каким-то остервенением, произнес одно из коровьих его ругательств. Это сразу пригласило его совет, он выхватил саблю и стал рубить турок. После этого он начал бой всегда самой отборной руганью.

— Мне это очень приятно, — воскликнул Толстой. — Возвращаю себе, как это у вас вышло. Блестящий офицер, светская утонченность и вдруг...

Толстой оглянулся, вот ли вблизи женщины, и, вesp подергиваясь от смеха, вынул из кармана слово. Оно получилось у него так просто, как будто он произнес французскую

фразу, которой часто пересыпал свою речь, когда говорил с людьми из аристократического круга.

— Вы мои «Христианство и патристизм» читали? — спросил Толстой, вытаращив платком потупившие от смеха слезы.

Военный смутился и признался, что не читал.

— А «Войну и мир»? Это, я знаю, вы читали. Мне самому многое вспоминается из этой книги и так удивительно делается на душе. Помните вступление французов в Москву? «Несколько мгновений после того, как затихли перебежки выстрелов по каменному Кремлю, странный звук послышался над головами французов. Огромная стая галок поднялась над стенами и, каркая и шумя тысячами крыл, закружилась в воздухе...»

Чмокнув по-стариковски губами, с простодушной улыбкой Толстой до бавил:

— Это, пожалуй, у меня не хуже Пушкина вышло: И «стая галок на крыльях». Только Пушкину все легко давалось, а у двенадцати томов одного Гюера пересчитать, чтобы дать эту черточку тогдашней Москвы. Ах, как трудно писать. Особенно про войну. У меня под рукой были Сегор, Шамбур и сотни русских мемуаров и исторических исследований. Мне нужно было изобразить народное движение, мужицкий сигнал, а у них — одно внешнее, выдуманное геройство. Героев нет. Есть самые обыкновенные люди. Прикажи им неслыханная масса и они в огонь, если общий ход событий не совпадает с волей единичных руководителей. Вот Стедхалм, тот лучший, он смотрит на войну глазами своего, постороннего человека. Это правдивое и острое. Я пошел по тому же пути. Пьер Безухов у меня также в первый раз попадает на поле сражения. Я к Горькому не обращаюсь. Он все писательские фокусы знает. А вот, вы военный, как думаете?

— Этого можно было много поставить в упрек и то, что он не раскрыл в своем романе социальное неравенство классов, и то, что, назвав войну народной, дал главным образом аристократическую Россию. Но когда я взглянул на эту унылую, светлую голову, полную огромной силы и мужественности, и вспомнил, как при чтении его романа у меня исчезали перед глазами печатные страницы и я видел только живых людей, у меня не пошевельнулся язык для возражений.

На следующий день мы ехали лесом. Толстой сам правил лошадей, сидел спокойно, сжившись в маленьком комочке.

Дорогой он, так же как и в Крыму, убеждал меня бросить человеческую гордость и последовать евангельскому учению, оно несет людям избавление от всякого порабощения.

Я указал, что к этому ведет «коммунистический манифест». Толстой подхвачивал лошадей и что-то ворчал себе под нос. Ветер заглушал его голос.

Не зная, к кому могут относиться слова Толстого, я его переспрашивал:

— Что? — сердито повторяет он.

— Я говорю: ваш бог — Марко. Но этот бог — бог настоящего. А мой бог — вечный.

И он начинает со всей страстью доказывать преимущества своего бога.

В нравственных исканиях Толстого — вечная трагедия. Он становится христианином чистейшей воды, — церковные мракоты предают его анафеме. Его страстные протесты против солдатчины и войны создают ему мировую славу убежденного защитника мира, — казенные ладифы обходят его Нобелевской премией. Он ищет отшельнической, бескорыстной жизни, — и с каждым годом растет роскошь в его доме и увеличивается богатство.

Проходит несколько минут молчания. Но Толстой не терпит. Ему хочется поделиться со мной мыслями о несовместимости насилия с человеческим разумом. Он наизусть приводит изречения Лао-Тсе, Сократа, Паскаля. За глгбистым лбом, изоборженным морщинами, незримо запечатлена мудрость всех времен, и Толстой с поразительной ясностью излагает религиозные и философские учения, начиная от буддизма и кончая ницшеизмом.

Во время разговора слышится отрывистый, тонкий лай.

— Это лиса! — восклицает Толстой, останавливает лошадей и зорко оглядывается кругом.

— Да вы посмотрите. Лиса! Да не тула. Вон там!

Действительно, по лесной поляне, прижимаясь к снегу, бежала лиса. Толстой весь трепещет и с писком в голос повторяет: «Лиса! Лиса!».

Зверь от крика побежал еще быстрее и скрылся за кустами.

— Ах, как жалко! Ах, как жалко, — вздыхает Толстой, трогая лошадей.

Я думаю, что он в добавление к рассуждениям о насилии перенесет свою теорию и на зверей, и настоятельно порекомендует к нему книгу.

— Неужели вы не понимаете? Жаль, что нет с нами ружья. Ах, какая прекрасная лисица!

Лес кончается, выезжаем на асфальтовую дорогу. Через несколько минут мы дома, и опять этот коловорот: гости, разговоры.

В. ТОННИ.

Ив. РОЗАНОВ

Автор популярной песни

Есть поэты — и таких не мало, которые все знают, только по фамилии, а пропитуя на них что-нибудь или кто бы из них не был, никто не знает. Славя поэтов «подобно надписи надгробной».

Есть стихотворения, которые все знают, но не знают, кто автор. Они переходят из поколения в поколение, продолжают жить, а автор, подобно надписи надгробной, умирает. И историческая обстановка не мешает. Стоит кому-нибудь произнести первый стих, другие продолжат. Например, все знают, что за строкой «Славное море, священный Байкал» следует «Славный корабль — омулевая бочка». Кто автор этого произведения? Это не знал ни Сергей Максимов, в своей известной книге «Сибирь и Катанга» засвидетельствовавший популярность этой песни в шестидесятых годах среди солдат в Сибири, ни Якубович-Мельшиш, полтавский поэт, который в свое время по отношению к концу XIX века в книге «В мире стихотворения» (1890). В двадцатом веке эта песня стала широко популярной в России и в европейской России. И сейчас это одна из немногих старых песен, которые все еще любимы в народе.

Большинство поэтов этой песни и теперь не знают, чья она. Автор ее раскрыт был только в 1929 году в малоизвестном сибирском сборнике. Это — Дмитрий Павлович Давыдов, родившийся в 1811 году, т. е. на 3 года раньше Лермонтова, и умерший в 1893 г. Жил он в различных сибирских городах: Троицко-Аванское, Якутск, Верхнеудинск, Иркутск, в Тобольске и на предельной Сибири не выезжал. В конце 60-х годов и до начала 80-х годов им надано было в Верхнеудинске, Казани и Иркутске три книжки стихов, не дошедших до столичных, не вышедших в столичных журналах и теперь являющихся величайшими библиографическими редкостями. В столичных журналах он почти не выступал, только в газете «Золотое руно», издававшейся в 1868 г. в Петербурге, но посвященной сибирским вопросам, помещено было несколько его «дум», одна из которых «Дума беглеца на Байкале», начинающаяся стихом «Славное море, священный Байкал», очень скоро и очень прочно вошла в фольклор.

Помещая стихотворения Дмитрия Давыдова, издатель «Золотого руна» рекомендовал его читателям, заявив, что это «сильный и самобытный талант». Тем не менее большой публике имя Дмитрия Давыдова продолжало оставаться неизвестным. Нельзя не приветствовать наданной в Иркутске книжки набранных стихотворений автора популярной песни.

Д. Давыдов. Стихотворения. Вступительная статья, редакция и примечания Ф. Кудрявцева. Восточное издательство. Иркутск. 1937. 316 стр. ц. 3 руб.

Документ о Герцене

В 1866 г. Герцен возбудил ходатайство перед правительством Бельгии о разрешении ему поселиться в Брюсселе. Герцен считал, что на континенте он будет больше в курсе политических событий, чем в Англии.

В ходатайстве Герцену было отказано.

8 октября 1869 г. он обратился с той же просьбой к министру юстиции Бельгии.

Недавно депутат бельгийского парламента Лео Шварц передал Государственному литературному музею подлинник письма Герцена от 8 октября.

В своем письме Герцен ссылался на то, что он «русский по рождению, натурализованный в Швейцарии» и хочет в Брюсселе «продолжать свои русские издания».

На полях письма, повидимому министром, сделана надпись:

«По какому вопросу и для какой цели эти задания?»

Герцену и на этот раз было отказано в его ходатайстве. Но он все же приехал в Бельгию, виделся с рядом политических деятелей и в частности с польским революционером Делевелем. Поливия, узнав об этом, забеспокоилась. На квартиру к Герцену явился агент и потребовал, чтобы он оставил пределы Бельгии. Этим дело не ограничилось. Герцена вызвали в министерство юстиции, где усиленно допрашивали по поводу его «натурализации в Швейцарии».

В результате Герцену пришлось покинуть Бельгию.

М. ЖИВОВ

Повесть об Эстремадуре

Эстремадура — область Западной Испании, пограничная с Португалией. Выключает две современные испанские провинции: Бадахос (Южная или Нижняя Эстремадура) и Касерес (Северная или Верхняя Эстремадура). Экономическая Эстремадура — район животноводства. По описанию Эстремадура занимает первое место среди областей Испании. Земледелие на втором плане; существенное значение имеют насаждения маслин и фруктовых садов.

Этот мы можем узнать об Эстремадуре из энциклопедий. Из газет, на сегодняшний день, газет, которые в первую очередь привлекают наше внимание сообщениями с испанского фронта, — мы знаем, что Эстремадура стала одним из участков борьбы революционного испанского народа с мировым фашизмом. Поля Эстремадуры истоптаны ногами войсками генерала Франко; его махидианские роты, фруктовые сады и горные пастбища с сотнями тысяч овец, несущих на себе дорогую шерсть, — захвачены кровавыми руками тех, кто хочет подчинить варварскому фашизму революционный народ Испании.

Но дать полное и конкретное представление о том, чем является миллионы с лишним людей, населяющих Эстремадуру и стоящих под тяжестью фашистского угнетения и террора, не могут ни энциклопедические словари, ни военные сводки. Поэтому особенно ценно приложение на русском языке повести испанского революционного писателя Сесара М. Арконада «Раздел земли». Перевод с испанского И. В. Гладкова. Журналистское издание. М. 1937 г. Стр. 280. Ц. 2 р.

Стыньство Эстремадуры — основное население этого края, его жизнь, голод и нищета, его страдания и горести, беспощадную эксплуатацию и растущий протест против этой эксплуатации.

Сесар Арконада берет эпиграфом к своему роману слова Сервантеса: «Эстремадура богатая и злойная страна». И он показывает ее богатую, эту страну, великую страну, богатую, покрытую плодородными полями, маслиновыми рощами и фруктовыми садами. Но он показывает, что богатство ее для бедных. Уже в прологе мы видим детей эстремадурских крестьян, по приказу учителя возносящих хвалу богу, слышащих Эстремадуру богатой; из школы они «полуголые иду, дрожа, долой к родителям, вытиснутым от голода». Они несут голод и холод и, как все люди Эстремадуры, несут также глубокую древнюю скорбь, которая неизвестно откуда пришла, но известна оттого, что она: это скорбь общей нищеты, долгая, отчаянная, веками и веками давившая людей многих поколений.

Уже в своем предисловии к роману, так и озаглавленному «Бедная провинция», Арконада резко противопоставил два мира — эконо-мический и политический. Проведший свое детство в деревне, хорошо знающий многострадальное крестьянство своей страны, он изобразил его жизнь с подлинным реализмом. Описывая революционные события 1930—1931 гг., он страстно обличал тогдашнюю республику, сохранявшую монархические чиновники и монархические налоги, весь пресс, в течение веков выжимавший сок из испанского народа.

Новый роман Арконада еще более

Экзамен по литературе

Большой читальный зал московского Педагогического института Наркомпроса заполнен молодежью. Идет приемный экзамен по литературе.

— Расскажите об «Отцах и детях».

— Это же так просто! «Отцы и дети» — это же так просто! «Отцы и дети» — это же так просто! «Отцы и дети» — это же так просто!

— Ну, значит, вы бы сказали. Экзаменатор неумолим. Он проявляет интерес к самым глубоким подробностям жизни Базарова. Он хочет знать о его отношении к родителям, к другу, к любимой женщине. Можно подумать, что речь идет об общем знакомом, а не о представителе разночинства. Девушка отвечает на эти вопросы сноровкой, с некоторым недоумением, видимо, опасаясь какого-то коварного подвоха. Но постепенно она входит во вкус, вопросы задаются все реже и реже, волнение и страх бесследно улетучиваются, и она уже с увлечением начинает рассказывать эпизоды романа. Неожиданно для нее самой Базаров, Кирсанов и все окружающие из мертвых алгебраических символов превращаются в живых людей, имеющих свои характеры, свои достоинства и недостатки, свои радости и горести.

Характерно, что когда экзаменатор делает спрашивать о произведении, не упомянутом в программе и следовательно не «спрабатываемом» в школе, он часто получает более правильные ответы. Молодые люди, пришедшие на экзамен, выбрали литературный факультет потому, что действительно любят литературу. Они много читают, умеют ценить поэзию и знают немало стихов наизусть, некоторые пишут сами. Но за годы, проведенные в школе, на рабфаке, в техникуме, они свыклись с мыслью, что анализ литературного произведения сводится к наклеиванию ярлыков на автора и его героев.

У большинства поступающих, в том числе и у многих отличников, теория литератур — наиболее узависимое место. Немногие могут четко объяснить разницу между теорией и сюжетом. Совсем слабо разбираются в теории поэзии.

— В чем особенность онегинской строфы? — спрашивает преподаватель.

Студент долго вспоминает и, наконец, собравшись с силами, отвечает: — Она имеет особенность в смысле построения, удара, согласования и еще там рифмы.

— Так в чем же эти особенности состоят? — спрашивает преподаватель.

— Она имеет особенность в смысле построения, удара, согласования и еще там рифмы.

— Так в чем же эти особенности состоят? — спрашивает преподаватель.

Студент молчит.

— Вы не помните, как он относился к родителям, или к Одипову?

— Он относился к Одиповой фанатически. А потом полюбил.

— То-есть как полюбил?

— Ну, значит, вы бы сказали.

Экзаменатор неумолим. Он проявляет интерес к самым глубоким подробностям жизни Базарова. Он хочет знать о его отношении к родителям, к другу, к любимой женщине. Можно подумать, что речь идет об общем знакомом, а не о представителе разночинства. Девушка отвечает на эти вопросы сноровкой, с некоторым недоумением, видимо, опасаясь какого-то коварного подвоха. Но постепенно она входит во вкус, вопросы задаются все реже и реже, волнение и страх бесследно улетучиваются, и она уже с увлечением начинает рассказывать эпизоды романа. Неожиданно для нее самой Базаров, Кирсанов и все окружающие из мертвых алгебраических символов превращаются в живых людей, имеющих свои характеры, свои достоинства и недостатки, свои радости и горести.

Характерно, что когда экзаменатор делает спрашивать о произведении, не упомянутом в программе и следовательно не «спрабатываемом» в школе, он часто получает более правильные ответы.

Молодые люди, пришедшие на экзамен, выбрали литературный факультет потому, что действительно любят литературу. Они много читают, умеют ценить поэзию и знают немало стихов наизусть, некоторые пишут сами. Но за годы, проведенные в школе, на рабфаке, в техникуме, они свыклись с мыслью, что анализ литературного произведения сводится к наклеиванию ярлыков на автора и его героев.

У большинства поступающих, в том числе и у многих отличников, теория литератур — наиболее узависимое место. Немногие могут четко объяснить разницу между теорией и сюжетом. Совсем слабо разбираются в теории поэзии.

— В чем особенность онегинской строфы? — спрашивает преподаватель.

Студент долго вспоминает и, наконец, собравшись с силами, отвечает: — Она имеет особенность в смысле построения, удара, согласования и еще там рифмы.

— Так в чем же эти особенности состоят? — спрашивает преподаватель.

— Она имеет особенность в смысле построения, удара, согласования и еще там рифмы.

— Так в чем же эти особенности состоят? — спрашивает преподаватель.

Студент молчит.

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Подлинные философические рассуждения Владимира Луговского и Козьмы Прутова, взятые из их книг

(К. Прутов. Полное собрание сочинений. 1897 г. и В. Луговской. «Жизнь». 1933 г.)

КОЗЬМА ПРУТОВ

Толпой огромною стеснились в мой ум Разнообразные, удачные сюжеты... Я думал в «мировой поэме» их развить, В большом, посредственном или маленьком масштабе. И уж составил план. И, в микрозеркальном Высоком, свой ум стараясь приучить, Без задних мыслей, я к простому пониманию Общепонятных основ стремился всей душой...

В. ЛУГОВСКОЙ

Я захочу — и сахарину свинку. Она покороно отойдет направо. Или налево — как я прикажу. Такой закрытый, осторожный, теплый. Мир небольших предметов и движений... Уверенность и легкая свобода. Вдруг начинают волновать меня... Я отворю окна, ставни, аверы. Чтобы вырвался «горький ветер мира»... Я славная, жестокая земля. Срыгала vorovatyie припасы. Невостаных, непростых миров, Которые зовутся личным счастьем...

КОЗЬМА ПРУТОВ

Очистив главную творения идею От ей несвойственных и пошлых положений, Уж разменявшись на мелочь в наше время, Я отстранил и фальшь, и даже форсировку; И колю изучал, без устали, с упорством, Свои, в изгнанных, внутреннее «Я»...

В. ЛУГОВСКОЙ

Я дивился в колочном ритме сучьях, Гремел в полах, шел и спотыкался, Хотел бежать как лопаты, шпырять, Раскидывался на ветру и сразу Увидел, как устроены созвездья...

КОЗЬМА ПРУТОВ

С задатком опытной практичности житейской, С запасом творческих и правильных начал, С избытком сил души и выстраданных чувств, На дымную свою взирал объективно...

В. ЛУГОВСКОЙ

В тот миг, наверное, я стал поэтом, За что меня простят мои враги.

А. БЕР.

Литературный Киев

«Думи українського народу» — в которой собраны чудесные образцы народной поэзии XVI, XVII и XVIII столетий, выпускает Гослитиздат Украины. Книга, с иллюстрациями художника Исаковича, выйдет в конце года.

«Виргиліана Знамід» Ив. Котляревского выпущена Гослитиздатом Украины. Книга богато иллюстрирована. Переплет сделан из украинской платки, вытканной в украинскими артелями им. 8 марта (с. Дегтары, Сребянского района, Черниговской области).

К двадцатилетию Великой Пролетарской революции Гослитиздат Украины выпускает юбилейные издания украинских классиков, оформленные лучшими художниками УССР. Выдут: сборник шести поэм Шевченко, «Лісова пісня» Леси Украинки, «Народні оповідання» Марка Вовчка, «Фата моргана» М. Коцюбинского и «Вориславські оповідання» Ив. Франка.

Группа рабочих завода «Большевик» пишет пьесу, в которой будет показана жизнь завода за последние 20 лет. Музыку к пьесе сочиняет инструментальный завод тов. Карамзина. Пьеса пойдет в дни празднования двадцатилетия Вели-

кой Пролетарской революции в исполнении заводского кружка художественной самодеятельности. В ней будут участвовать свыше 300 человек.

Собрание писателей Киева утвердило решение правления союза украинских советских писателей об исключении из союза гг. Бондаря, Горенко, Дубова, Киселева, Бурака, Яковенко, Лысого и Дорошенко. Все они исключены как творчески не проявившие себя.

Президиум Киевского горсовета постановил переименовать улицу Борохова в улицу имени великого грузинского поэта Шота Руставели и Меринопулу улицу — в улицу имени великого иранского поэта Фирдоуси.

Совнарком УССР и ЦК КП(б)У поручили Управлению искусства при СНК УССР привести в порядок материалы выдающихся деятелей культуры. В связи с этим скульптор Белостецкий работает над надгробным памятником известному украинскому композитору Лисенко, скульптор Пивоваров — над памятником писателю А. Тесленко, скульптор Петренко готовит памятник писателю Лесе Украинке и скульптор Петренко — памятник артисту Садовскому.

Выставка работ шведского революционного художника Альбина Амелии в Государственном музее нового западного искусства (Москва).

тельные отряды. В тюрьму их! Бандите! И они уносятся сумасшедшим, который заирает очу в хлев и не дает ей есть. Но крестьяне — это уже не стало овец, они имеют клочки, они умеют драться. И в деревне разгорается борьба, ставшая большой борьбой и в таком маленьком селе! — восклицает автор. И он показывает эту борьбу, людей, их маленькие победы, их большие неудачи, их светлые перспективы.

Вокруг гнет еще лежит тяжелым грузом на эстремадурском крестьянстве. Еще немало таких, как старик Влас, утверждающий: «Мой хозяин всегда был добрым и добрым, но он не заражен этими новыми идеями, которые теперь навязываются нам». Но уже немало и таких, как Флорано, — он готов сделать все, чтобы разрушить этот мир несправедливости и угнетения, чтобы создать новую жизнь, хотя он не знает, как это сделать, не имеет никакого представления, какова должна быть эта новая жизнь. И полагается уже и такие, как Дамьян, которые понимают: «Если мы все не объединимся, то погибнем». И, описав первую попытку крестьян Робальдино объединиться, автор заключает: «Так жил народ. Без организации, без единения, каждый по своему. Они тотчас были поглотены козьями. Другие хотели поглотить хозяев себе. Этим сказано все».

Арконада видит трагедию жизни, но он знает — чтобы объединить этот народ, нужна руководящая рука, нужен ум, который убедил бы старого Власа, направил Флорано, показал бы цель, одинаково понятную и заманчивую для всех. И он знает, какова эта цель и кто может направить народ к борьбе за нее.

Арконада приводит в свою деревню Власа, выходя из этого героя, занимающего одно из первых мест в повести, Арконада как будто хотел показать свой собственный путь к коммунизму. И это вторая

побочная тема романа — путь современного испанского интеллигентства.

«Альфар» — пишет Арконада, — не имеет политической подготовки. Но потрассала суровая действительность эпохи — эпохи, полной социальной несправедливости... Неудача, его личная несправедливость заставила его ненавидеть буржуазное общество, самый его мир, самую его классовую, с другой стороны, сердечную чуткость склоняла его к страданиям несчастных, униженных, заставляла помогать им и поддерживать их в их жалобах и борьбе. Таких людей, как Педро Альфар, было немало среди тогдашней испанской молодежи — молодежи, вынужденной кризисом из колеи. Это были последние жертвы отмирающего строя и первые жертвы того, который еще предстояло нарождаться. Если бы они были революционерами, борьба возматривала бы их за все. Но они ими еще не были. Они скорее мечтали стать людьми сильными, социальными, мечтала вне эпохи, и это особенно живо чувствовалось именно теперь, в период безвременья, когда все разлагалось, рушилось, было полно противоречий».

Педро Альфар, «больше из дружеского чувства, чем из желания руководить движением», стал первым другом и советником крестьян. Он преисполнился возможностью занять вакантное место за карточным столом среди власти амучных и предпочел посещать крестьянские дачи, где безраздельно властвовали нищета, голод, беззаконие.

Педро Альфар выдвинул идею раздела земли. Заполненные пустырь, земля может быть хлеб, надо обратиться всем вместе и испахать эту землю, засеять ее, и тогда будет хлеб, который утолит голод.

Этот проект привлек всех — и стариков, не имевших ни работы, ни хлеба, и таких, как Флорано, который в будущем урожае видит осуществление всех своих личных мечтаний, и таких, как красивая Гвадалупа, которая решила, что урожай даст ей возможность открыть лавку и стать богатой, и таких, как

Дамьян, обрадовавшийся возможности объединить всех для борьбы за новую жизнь.

Но Педро Альфар с самых первых шагов увидел всю шаткость этого проекта. Чем обработать землю, где взять тягловую силу, инвентарь? Крестьяне предрасположены к пристрастиям, кое-как расковыряли землю. Но помещик? У нем они забыли. И он напомнил им о себе, вызвал из города жандармов. Они разогнали крестьян. Однако, ползая в этой затее — помещик решил сеять на распаханной земле, и крестьянам заплатили за несколько дней работы. Осталась надежда: может быть урожай они еще захватят.

Настало время уборки, и эта надежда рухнула. Помещик нанял рабочих в Португалию, и уборка производилась под охраной жандармов. Нищета, лишенная надежды, стала еще отчаяннее. Ко всем бедствиям прибавилась малярия. «Обеспокоенные тела, истощенные наплетой и малярией, валялись у дверей, в тени, подумывающие, в невыносимой атмосфере, в накаленной тишине под беззвучным небом, сияющим голубиной».

Где же выход? Педро Альфару теперь это уже ясно. Борьба должна быть всеобщей. Он понял, что все может изменить только социальная революция; национализация земли, укрупнение этих мелких земельных хозяйств, построение промышленных фабрик, колесных и консервных фабрик — все эти мероприятия действительно дадут возможность использовать богатства Эстремадуры для всех трудящихся, а не для богатых. Устами Педро Альфара говорит уже сегодняшний Арконада, который записал в своей автобиографии: «Теперь я — коммунист. Это естественный конец. Иначе и быть не могло».

А крестьяне? Старика еще туше закатили в свои лохмоты нищеты. Молодые увеличили свои силы для борьбы. Флорано думал, что можно бомбами разрушить этот ненавистный мир. Но он убедился, что его бомба образовала только ма-

ленькую дыру в церковной стене, а в первом остался стоять на месте.

Остался священник, который любил его изгнания на деревню Педро Альфара. Остался жандарм, посадивший в тюрьму Флорано и его товарищей.

Но разве это конец? Нет! И Флорано понял, что пути борьбы должны быть другие, и еще сильнее стала его вера в то, что революция феодальной земли сельхозов переделит к ним... километры двести тысяч заводовников, тех заводчиков, что стали бы проявлять силой, благодаря их ревности и работе их рук, тех заводчиков, что затем подыали бы их самих, восставших и в первую очередь ступени рабаства и животного состояния в высшую категорию людей».

Пусть враг еще силен, пусть ему удалось загнать врага Педро Альфара, но в школе уже сидят молодые учителя, которые рассказывают детям о новой жизни и о борьбе за нее. Идея борьбы созрела. Прядут те, которые помогут утопающим в темноте, ищете и гряд крестьянам добиться своей цели. Раздел земли будет произведен, но уже по-новому и навсегда.

Сесар Арконада ярко и правдиво изобразил жизнь крестьян Эстремадуры. Мы увидели их живыми, они стали понятными и близкими нам. Он дал свою картину несколько обобщенно, но это не мешает, проносясь по стране, но он сумел в зеркале маленького села показать «такую большую борьбу». В этом заслуга автора, в этом ценность его произведения.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ1787 год
«Дон Карлос»

Сто пятьдесят лет назад 29 августа 1787 года впервые был показан на сцене «Дон Карлос» Шиллера. Шиллер работал над этой пьесой четыре года, неоднократно менял замысел и опубликовал несколько редакций: в стихах и в прозе. Дон Карлос, бывший по первоначальному замыслу основным героем пьесы, отошел затем на второе место и главным героем стал маркиз Поза. Зрители первого спектакля восторженно приняли пьесу довольно холодно. И, тем не менее, из всех героев Шиллера маркиз Поза остался, пожалуй, у Карла Моора, одним из самых популярных. Вот уже полтора столетия поколение за поколением аллюдирует речам этого пламенного мечтателя, который в самую мрачную эпоху инквизиции призвал бесчеловечного деспота Филиппа II дать его подданным мир и свободу.

В отличие от Карла Моора маркиз Поза не бунтарь. Он ищет спасения человечеству от самого Филиппа. «Пером черкнут вам стоит, — обращается он к нему, — и земля обновлена!» Он становится близким лицом к Филиппу. Но союз этот рушится и Поза гибнет.

Разумеется, не эта ливанная политическая программа Поэма создала ему необычайную популярность во всем мире. Образ Поэмы воздействовал на зрителей и читателей своей возвышенной любовью к человечеству, своей готовностью к самопожертвованию, своей бескорыстностью.

Герцег признавался, что Поза — это любимый герой, и горячо спорил с Огаревым, симпатии которого были на стороне Фиско. «Я люблю Карла Моора как человека, — писал в «Литературных мечтаниях» Белинский, — обожаю Поэму как героя».

И главным образом под впечатлением «Дон Карлоса» он писал: «В поэзии Шиллера сердце его вечно искосит самой живой, пламенной и благородной кровью любви к человеку и человечеству, ненависти к фанатизму религиозному и национальному». Как герой был бы разочарован Шиллер, если бы мог предвидеть, что через полтора века его пьеса в его родной стране приобретет такую острую политическую актуальность, какую она могла иметь только во времена Филиппа.

1839 год.

Умер

А. И. Одолевский

27 августа 1839 года умер поэт-демократ А. И. Одолевский. Ему было 23 года, когда он был вхождением в Петербургскую кружку. Проведя на каторге и в Сибирь 12 лет, он был направлен по «милости» распоряжением паря рядом на Кавказ, где и умер спустя два года от малярии.

Литературное наследство Одолевского очень невелико. Большая часть произведений, написанных им в Сибирь, не сохранилась. Некоторые из его друзей утверждали, что им были написаны «многие тысячи стихов». Сохранилось же до нашего времени едва несколько десятков стихотворений.

В течение долгого времени реакционная критика пыталась представить Одолевского «поэтом христианской мысли». Трудно представить себе более грубую фальсификацию творческого облика поэта. Одолевский был одним из самых пламенных поэтов-революционеров. Немногие дошедшие до нас стихотворения полны горячим призывом к свержению царизма. В ответ на анонимное послание Пушкина «В Сибирь» он писал в том же году:

Мечу скажу мы на цепей,
И вновь вождем огонь свободы,
И с нею градем на царей, —
И радостью вольноту народы.

В этом же стихотворении он писал:

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя...
Эту последнюю строку ленинская «Искра», выходящая в 1900—1903 гг., взяла своим девизом.

Чаша и идеалы декабристов были выражены у Одолевского с исключительной силой и полнотой. И недаром его друзья по ссылке и каторге ставили его в один ряд с лучшими русскими поэтами.

СРЕДИ
РЕДКИХ
КНИГ

В вышедшей в 1972 году в Петербурге книге «Русские книжные редкости» приводятся сведения об издании М. Карпильева в 1945—46 гг. карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Автором этого словаря был Петровский — основатель революционного кружка русских футурологов, в котором участвовал и Ф. Достоевский.

Словарь Петровского не только справочник, — это тонкий памфлет, направленный против царского режима.

Вот объяснение иностранного слова «ириония».

«Ириония называется различие между мыслью и формой ее выражения или между целью и средством ее достижения. Так, например, нельзя не припомнить иронического характера сочинения Макнабелли «О монархизме», где он как будто бы с полным глубоким убеждением доказывает, что монарх не должен стесняться ничем для усиления своей власти между тем, как, принимая в соображение иные другие сочинения того же писателя, можно догадаться, что похвала его деспотам суть не что иное, как сильная сатира».

Примерно в таких тонах составлен и весь словарь. Революционный характер словаря Петровского ставил правительство уничтожить его.

Но наших дней уцелело только несколько экземпляров этой интересной книги.

Экземпляр словаря Петровского приобретен Государственным литературным музеем.

«На другой день после парада г-жа де Ланге послала свою наряду с ливаным лакеем дожидаться маркиза де Монриво с 8 утра до 3 часов пополудни».

Издательство «Academia» выпускает «Историю тринадцати» Бальзака с иллюстрациями художника В. Бехтеева.

Архивные материалы
об А. С. Пушкине

В недавно выпущенном сборнике Центрархива «Архивное дело» напечатана статья директора архива внешней политики т. А. Юрлова о 12 неизвестных документах об А. С. Пушкине.

Среди этих документов, охватывающих период 1817—1837 гг., интересно собственноручное письмо графа С. Воронцова из Одессы от 9 июня 1824 г. графу Нессельроде (письмо написано на французском языке).

Воронцов «дипломатически» пишет:

«Пушкин представил прошение о своем увольнении. Но яная точно, следует ли в этом случае удовлетворить эту просьбу и не требуется ли представить свидетельство о болезни, я посылаю его Вам частным образом и прошу Вас или дать ему ход, или вернуть его мне, смотря как найдете удобным. В последнем случае сообщите мне, следует ли его возвращать ему, или нужно сопроводить его свидетелем и послать по форме».

В архиве хранится также написанное в Одессе рукой А. С. Пушкина на синей гербовой бумаге прошение Александру I об отставке. Датировано оно 2 июня 1824 г.

Прошение состоит из 4 частей, помеченных римскими цифрами.

В архиве внешней политики хранится также синяя обложка Петербургского главного архива за № 166, с изложением на французском языке содержания донесения рижского

Мені скажу мы на цепей,
И вновь вождем огонь свободы,
И с нею градем на царей, —
И радостью вольноту народы.

В этом же стихотворении он писал:

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя...
Эту последнюю строку ленинская «Искра», выходящая в 1900—1903 гг., взяла своим девизом.

Чаша и идеалы декабристов были выражены у Одолевского с исключительной силой и полнотой. И недаром его друзья по ссылке и каторге ставили его в один ряд с лучшими русскими поэтами.

В течение долгого времени реакционная критика пыталась представить Одолевского «поэтом христианской мысли». Трудно представить себе более грубую фальсификацию творческого облика поэта. Одолевский был одним из самых пламенных поэтов-революционеров. Немногие дошедшие до нас стихотворения полны горячим призывом к свержению царизма. В ответ на анонимное послание Пушкина «В Сибирь» он писал в том же году:

Мечу скажу мы на цепей,
И вновь вождем огонь свободы,
И с нею градем на царей, —
И радостью вольноту народы.

В этом же стихотворении он писал:

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя...
Эту последнюю строку ленинская «Искра», выходящая в 1900—1903 гг., взяла своим девизом.

Чаша и идеалы декабристов были выражены у Одолевского с исключительной силой и полнотой. И недаром его друзья по ссылке и каторге ставили его в один ряд с лучшими русскими поэтами.

В течение долгого времени реакционная критика пыталась представить Одолевского «поэтом христианской мысли». Трудно представить себе более грубую фальсификацию творческого облика поэта. Одолевский был одним из самых пламенных поэтов-революционеров. Немногие дошедшие до нас стихотворения полны горячим призывом к свержению царизма. В ответ на анонимное послание Пушкина «В Сибирь» он писал в том же году:

Мечу скажу мы на цепей,
И вновь вождем огонь свободы,
И с нею градем на царей, —
И радостью вольноту народы.

В этом же стихотворении он писал:

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя...
Эту последнюю строку ленинская «Искра», выходящая в 1900—1903 гг., взяла своим девизом.

Чаша и идеалы декабристов были выражены у Одолевского с исключительной силой и полнотой. И недаром его друзья по ссылке и каторге ставили его в один ряд с лучшими русскими поэтами.

В течение долгого времени реакционная критика пыталась представить Одолевского «поэтом христианской мысли». Трудно представить себе более грубую фальсификацию творческого облика поэта. Одолевский был одним из самых пламенных поэтов-революционеров. Немногие дошедшие до нас стихотворения полны горячим призывом к свержению царизма. В ответ на анонимное послание Пушкина «В Сибирь» он писал в том же году:

Мечу скажу мы на цепей,
И вновь вождем огонь свободы,
И с нею градем на царей, —
И радостью вольноту народы.

В этом же стихотворении он писал:

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя...
Эту последнюю строку ленинская «Искра», выходящая в 1900—1903 гг., взяла своим девизом.

Новое
в журналахСедьмая книга
«Молодой гвардии»

На обложке выходящего на днях седьмого номера журнала «Молодая гвардия» — мужественное лицо Олега Юрьевича Шмидта.

О юношестве Северного полка рассказывается в очерках — Герое Советского Союза В. Чалова «На оси мира» и Героя Советского Союза Г. Вайдукова «В стране ледяного молчания».

В художественном разделе журнала напечатаны рассказы молодых писателей К. Льюрова и В. Ясенева, повесть Н. Попова «Человек растет», стихи В. Луговского — «Родина», Е. Долматовского — «Полночь» и новая автобиографическая поэма С. Олендера «Детство».

Интересны мемуары народного артиста Армянской ССР Ваграма Папазяна «По дорогам мира». В них автор рассказывает о годах своего учения и работы в Турции, Венеции, в Милане.

Воспоминания заканчиваются 1913 годом, когда Папазян «вышел вступил на землю той страны, в которой впоследствии — при совершенно изменившейся внешней и внутренней обстановке — ему суждено было найти свою вторую родину».

В отделе публицистики помещены речи М. Колычева и А. Толстого на Втором конгрессе международной ассоциации писателей.

Под рубрикой «За рубежом» дан очерк Б. Макасева «С южной стороны» о революционной Испании.

В критическом отделе читатель найдет редакционную статью «Клевета на Советский Таджикистан» — о книге В. Ясенева «Человек меняет кожу».

«Молодой колхозник»

Сельскохозяйственный журнал «Молодой колхозник» открывает статью маршала Советского Союза С. М. Буденного «Родина и патриотизм».

В журнале будут напечатаны главы из четвертой книги «Глядя на Дон» М. Шолохова, рассказы М. Сахарова-Шергина «Бессмертная Матя Зайка», «Трое» В. Рабичкова и др. В отделе поэзии: поэма Н. Тихонова «Мы родились той ночью...» (о борьбе вольных горцев с феодалами), «Песня о луганском слесаре» (слова В. Гусева, музыка Д. Юркова) и др.

Среди остального материала — очерки профессора Н. Зубова «Северный полюс», Г. Яффе «Великий саломон» (о Мухомове) и статья В. Орлова «Как пишется письмо».

Показывающая писателю деятельность церковников в парское время и в период гражданской войны.

Номер иллюстрируется художниками И. Коша, Еваном, Д. Красильниковым.

Книжная
хроника

гослитиздат выпускает:

★ Пятьдесят первый том собрания сочинений Л. Н. Толстого. В том публикуются дневники и записные книжки писателя за 1890 год.

★ «Разрешение» Гл. Успенского. Очерки выходят под редакцией статей и комментариев А. Глинки-Волжского.

★ «Под небом родины моей» — сборник стихов Ст. Шипачева о великом вожде человечества Вл. И. Ленине, о гражданской войне, о социалистическом строительстве. В книгу также включены диалогические стихи, посвященные явлениям природы.

★ «Горбунья» — роман из жизни крестьян Чехии известного чешского писателя Карела Чапека.

★ «Молодая гвардия» Вып. 7.

★ «Город юности» Ю. Жукова и Р. Кронгауз. В книге рассказано о том, как комсомольцы строили в глухой тайге новый город «Комсомольск» или, как его называли, «Город юности». Цена книги — 2 р. 50 к. Тираж — 25.000.

★ «Молодежь под игом фашизма» — сборник материалов о тяжелом положении молодежи в фашистских странах — Германии, Италии, Японии — и в других капиталистических странах. Сборник составлен Ф. Кинтелем. Цена — 40 к. Тираж — 30.000.

★ «Город юности» Ю. Жукова и Р. Кронгауз. В книге рассказано о том, как комсомольцы строили в глухой тайге новый город «Комсомольск» или, как его называли, «Город юности». Цена книги — 2 р. 50 к. Тираж — 25.000.

★ «Молодежь под игом фашизма» — сборник материалов о тяжелом положении молодежи в фашистских странах — Германии, Италии, Японии — и в других капиталистических странах. Сборник составлен Ф. Кинтелем. Цена — 40 к. Тираж — 30.000.

★ «Город юности» Ю. Жукова и Р. Кронгауз. В книге рассказано о том, как комсомольцы строили в глухой тайге новый город «Комсомольск» или, как его называли, «Город юности». Цена книги — 2 р. 50 к. Тираж — 25.000.

★ «Молодежь под игом фашизма» — сборник материалов о тяжелом положении молодежи в фашистских странах — Германии, Италии, Японии — и в других капиталистических странах. Сборник составлен Ф. Кинтелем. Цена — 40 к. Тираж — 30.000.

★ «Город юности» Ю. Жукова и Р. Кронгауз. В книге рассказано о том, как комсомольцы строили в глухой тайге новый город «Комсомольск» или, как его называли, «Город юности». Цена книги — 2 р. 50 к. Тираж — 25.000.

★ «Молодежь под игом фашизма» — сборник материалов о тяжелом положении молодежи в фашистских странах — Германии, Италии, Японии — и в других капиталистических странах. Сборник составлен Ф. Кинтелем. Цена — 40 к. Тираж — 30.000.

★ «Город юности» Ю. Жукова и Р. Кронгауз. В книге рассказано о том, как комсомольцы строили в глухой тайге новый город «Комсомольск» или, как его называли, «Город юности». Цена книги — 2 р. 50 к. Тираж — 25.000.

★ «Молодежь под игом фашизма» — сборник материалов о тяжелом положении молодежи в фашистских странах — Германии, Италии, Японии — и в других капиталистических странах. Сборник составлен Ф. Кинтелем. Цена — 40 к. Тираж — 30.000.

★ «Город юности» Ю. Жукова и Р. Кронгауз. В книге рассказано о том, как комсомольцы строили в глухой тайге новый город «Комсомольск» или, как его называли, «Город юности». Цена книги — 2 р. 50 к. Тираж — 25.000.

★ «Молодежь под игом фашизма» — сборник материалов о тяжелом положении молодежи в фашистских странах — Германии, Италии, Японии — и в других капиталистических странах. Сборник составлен Ф. Кинтелем. Цена — 40 к. Тираж — 30.000.

★ «Город юности» Ю. Жукова и Р. Кронгауз. В книге рассказано о том, как комсомольцы строили в глухой тайге новый город «Комсомольск» или, как его называли, «Город юности». Цена книги — 2 р. 50 к. Тираж — 25.000.

★ «Молодежь под игом фашизма» — сборник материалов о тяжелом положении молодежи в фашистских странах — Германии, Италии, Японии — и в других капиталистических странах. Сборник составлен Ф. Кинтелем. Цена — 40 к. Тираж — 30.000.

★ «Город юности» Ю. Жукова и Р. Кронгауз. В книге рассказано о том, как комсомольцы строили в глухой тайге новый город «Комсомольск» или, как его называли, «Город юности». Цена книги — 2 р. 50 к. Тираж — 25.000.

Оскорбление памяти Лермонтова
или «Бум-бум» на страницах
«Комсомольской правды»

20 августа «Комсомольская правда» напечатала письмо некоего Литовского, обвиняющего «Литературную газету» в оскорблении памяти Лермонтова. Оскорбление это, по мнению редакции, заключается в том, что «Литературная газета» процитировала отрывок из статьи А. Васильчикова, описывающий сцену дуэли Лермонтова с Мартыновым. «Васильчиков бесовски искажал действительность... И вот на показный этот негодяй — одного на убийцу Лермонтова — сыпается «Литературная газета» — с негодованием пишет «Комсомольская правда».

Обобщая, что Васильчиков, как один из соучастников убийства Лермонтова, искажал историю ссоры Мартынова с Лермонтовым. Ни один исследователь Лермонтова поэтому не пользуется этой частью его воспоминаний.

Что же касается описания сцены самой дуэли, то пройти мимо воспоминаний Васильчикова невозможно. Все другие сохранившиеся рассказы и воспоминания о дуэли записаны не со слов очевидцев, а в лучшем случае на вторых рук. Васильчиков — единственный из очевидцев сцены дуэли, описавший картину гибели поэта. Его рассказ об этом и в частности два важнейших призывающих им факта: что Лермонтов не стрелял и что он был убит наповал, никогда и никем не были опровергнуты. Нужно добавить, что до выступления «Комсомольской правды» никто не усматривал в использовании этой цитаты из Васильчикова оскорбления памяти поэта. Именно эта, и только эта, цитата и была приведена в «Литературной газете».

Выступая против свидетельства Васильчикова, «Комсомольская правда» в своей простоте опирается на авторитет П. К. Мартынова — писателя, поставившего некогда в казенно-патристическом журнале «Солдатская беседа» и др.) рассказы и стихи, подлинные повествования: «Бум-бум», «Пети», «Кактус», «Кроко» и т. п. Вот этот самый «Бум-бум» помещен в суворовский «Исторический вестник» (приличные журналы его никогда не печатали) статью, в которой, также не опровергая сделанного Васильчиковым описания самой дуэли, назвал все остальные его утверждения «длинным рядом неправд, лживых и мажорельстических увещаний покойного поэта».

Приведя эту цитату, «Комсомольская правда» стыдливо поставила многоточие и, пропустив несколько фраз, продолжила ее: «Оба они (Васильчиков и Мартынов) были соображательными...» и т. д. Если бы вместо многоточия «Комсомольская правда» вписала недостающие фразы, то читатели с изумлением узнали бы, что одной из важнейших «инсинуаций» Васильчикова является «его сви-

детельство о нерасположении к поэту при дворе и неблагоприятном отзыве о нем высокопоставленного лица». Вот где, оказывается, зарыта собака! Нападая на Васильчикова, «Бум-бум» брал под защиту не столько Лермонтова, сколько... Николая I.

Мы приведем еще одну цитату из этой же статьи «Бум-бум», что бы «Комсомольская правда» стало ясно, к чьей помощи прибегла она для «защиты» памяти Лермонтова:

«Император Николай Павлович, — с благоговением пишет «Бум-бум», — получил донесение о кончине поэта, выразился так: «Получено о Кавказа горестное известие: Лермонтов убит на дуэли. Жалею его. Это — поэт, подававший великие надежды». Сожаление государя о безвременной смерти поэта горячо разделяла находившаяся тогда в Петербурге великая герцогиня веймарская Мария Павловна. Появление в прессе такого мистифицированного по поэте опровергает, выявляет князем А. Н. Васильчиковым статью «Несколько слов о кончине М. Ю. Лермонтова» и о дуэли его с Н. С. Мартыновым» с таким дополнением и нашедшее в некоторых кругах сочувственные отклики утверждение, что Лермонтов вообще был неубивим в гвардии и петербургских салонах, что при дворе его считали вредным, неблагонамеренным и по фронту дуриным офицером; что, когда его убили, государь сказал: «Туда ему и дорога!» и что все петербургское великосветское общество, махнув рукой, повторило это надтроенное слово».

Отрабатывая этой цитатой, в которой «Бум-бум», ставший почти через 40 лет после смерти непререкаемым ученым авторитетом для «Комсомольской правды», тщетно пытается снять с Николая и великосветского общества ответственность за травлю и гибель Лермонтова. Не ясно ли, что ссылка на писания царского холода Мартынова является действительным оскорблением памяти Лермонтова?

Мы не ставим вопроса о какой цели считали, подобные Литовского, пытаются использовать нашу прессу для пропаганды грязных, клеветнических писаний таких певцов самодержавия, каким был «Кроко», «Пети» и «Бум-бум» — Мартынов. Цель слишком ясна. Но вполне уместно спросить: на что рассчитывают подобные «читатели», нацеливая свои письма в «Комсомольскую правду»? Неужели на невежество некоторых редакционных работников? Если так, то нельзя не признать, что в данном случае расчет был правым.

1 «Исторический вестник», 1892 г., сб. 4, стр. 107. Издание Суворина.
2 «Исторический вестник», 1892 г., сб. 4, стр. 110.

На выставках
и в музеях

★ Московский союз советских художников решил организовать в 1939 году большую выставку «Иллюстрация и оформление детской и юношеской книги». Одновременно с выставкой будет проведена конференция по вопросам оформления детской и юношеской книги.

★ Государственная Третьяковская галерея устраивает осенью этого года выставку произведений О. А. Кипренского. На выставке будут собраны картины и рисунки Кипренского из центральных и периферийных советских музеев, а также из частных коллекций.

★ Каждые десять дней в малом выставочном зале Всесоюзной выставки работ молодых художников, 21 августа открылась выставка картин и этюдов С. А. Емельянова.

★ Московский союз советских художников образовал комитет по устройству всесоюзной выставки советских художников «8 марта», которая откроется к международному женскому дню 1939 года.

В комитет вошли заслуженные деятели искусств Ф. Ф. Федоровский, Д. С. Моор, скульптор В. И. Мухомов и др. Предполагается, что в выставку примут участие зарубежные революционные художники.

★ Каждые десять дней в малом выставочном зале Всесоюзной выставки работ молодых художников, 21 августа открылась выставка картин и этюдов С. А. Емельянова.

★ Московский союз советских художников образовал комитет по устройству всесоюзной выставки советских художников «8 марта», которая откроется к международному женскому дню 1939 года.

В комитет вошли заслуженные деятели искусств Ф. Ф. Федоровский, Д. С. Моор, скульптор В. И. Мухомов и др. Предполагается, что в выставку примут участие зарубежные революционные художники.

★ Каждые десять дней в малом выставочном зале Всесоюзной выставки работ молодых художников, 21 августа открылась выставка картин и этюдов С. А. Емельянова.

★ Московский союз советских художников образовал комитет по устройству всесоюзной выставки советских художников «8 марта», которая откроется к международному женскому дню 1939 года.

В комитет вошли заслуженные деятели искусств Ф. Ф. Федоровский, Д. С. Моор, скульптор В. И. Мухомов и др. Предполагается, что в выставку примут участие зарубежные революционные художники.

★ Каждые десять дней в малом выставочном зале Всесоюзной выставки работ молодых художников, 21 августа открылась выставка картин и этюдов С. А. Емельянова.

★ Московский союз советских художников образовал комитет по устройству всесоюзной выставки советских художников «8 марта», которая откроется к международному женскому дню 1939 года.

В комитет вошли заслуженные деятели искусств Ф. Ф. Федоровский, Д. С. Моор, скульптор В. И. Мухомов и др. Предполагается, что в выставку примут участие зарубежные революционные художники.

★ Каждые десять дней в малом выставочном зале Всесоюзной выставки работ молодых художников, 21 августа открылась выставка картин и этюдов С. А. Емельянова.

★ Московский союз советских художников образовал комитет по устройству всесоюзной выставки советских художников «8 марта», которая откроется к международному женскому дню 1939 года.

В комитет вошли заслуженные деятели искусств Ф. Ф. Федоровский, Д. С. Моор, скульптор В. И. Мухомов и др. Предполагается, что в выставку примут участие зарубежные революционные художники.

★ Каждые десять дней в малом выставочном зале Всесоюзной выставки работ молодых художников, 21 августа открылась выставка картин и этюдов С. А. Емельянова.

★ Московский союз советских художников образовал комитет по устройству всесоюзной выставки советских художников «8 марта», которая откроется к международному женскому дню 1939 года.

О конкурсе
на памятники
Пушкину
и Горькому

В союзе советских скульпторов 28 августа состоялось совещание, посвященное конкурсам Всесоюзного комитета по делам искусств — на проекты памятников Пушкину и Горькому и конкурсам Моссовета — на памятник Павлу Морозову и монумент «Челюскинцам».

Совещанием выступила скульптор Е. Блинова. Она указала, что Комитет по делам искусств и Моссовет проводят конкурсы бюрократически, не привлекая к работе основных кадров скульпторов. Среди участников конкурсов мы находим одних и тех же 10—12 скульпторов, которые одновременно даны заказ и Моссоветом и Комитетом по делам искусств.

В результате бездеятельности отдела проектирования Моссовета от конкурса на монумент «Челюскинцам» три раза откладывались — с 1 января до 1 мая, с 1 мая до 1 августа и с 1 августа до начала октября.

Та же картина наблюдается и в остальных конкурсах.

Скульптор Б. Д. Королев обратил внимание собравшихся на то, что срок конкурса на памятник Горькому истекает 1 октября. Между тем до сих пор для памятника Горькому не выбрано место в Москве. Это крайне затрудняет составление эскиза проекта, не говоря уже о его дальнейшей разработке.

О больших недочетах в организации конкурсов говорили скульпторы И. А. Андреев, З. С. Ракитина